

Дезоляция

Dr. Bomber, Мочехо Эстос

Война грянула четырнадцать лет назад, в начале двадцать второго века. Мир сгорел дотла, и всё же на пепелище СССР остался нетронутый городок, жители которого переждали катастрофу в убежище. Спустя четырнадцать лет его запасы кончились и они поднялись на поверхность. Там люди начали медленно изучать с виду безопасную землю. Выпустив для профилактики болезней детей. А те не упустили шанс и сбежали за сладостями. Но, заблудившись, нашли нового друга. Спящий ИИ.

Пробуждение

Ранняя весна, только недавно вырвавшаяся из ледяного плена, тщательно омывала талой водой город. Пустой и тихий. Не разрушенный, не уничтоженный. Обескровленный. Ничто не приводило его механизмы в движение, никто не спешил по сосудам дорог на работу. Только детские сапожки шлёпали по лужам. А любопытные взгляды шастали по пустым панцирям домов и машин, до того виденных разве что на рисунках. Сколько дети мечтали поглядеть на них вживую, и вот. Исполнилось желание. Только настоящее не было таким ярким и красочным. Скорее грустным, недоспавшим, угрюмым — как взрослые в убежище.

— Ох, и влетит же нам, как думаешь? — прошептала, словно боясь кого-то, девочка.

Пряча руки в блеклой синей куртке, она старалась поспеть за не в меру прытким мальчишкой. Ему же ни ветер, ни влага — не преграда. Шёл расстёгнутый, без шапки.

— А ты, Машка, не говори никому — тогда не влетит. Как в тот раз с тортом.

— Так чужое же, Юр, — явное, но чуточку робкое осуждение мелькнуло в девичьем голоске. — Для других делали. Нам и так дали попробовать...

— Вот ничего ты не понимаешь, ну. Этой мелочи ещё сколько раз испекут, а нам — фигу! — не забыв показать этого чудесного зверя Маше, мальчик продолжил: — Выросли мы уже, видишь ли, с маленькими надо делиться. А они, может, вообще вырастать не захотят? — шутливо закончил он.

Маша вынула руки из карманов, посмотрела на них. Покрутила, повертела. Пусто. Нечем ответить. Быстро спрятав ладони обратно, сестра посеменила за братом, ворочая головой туда-сюда, пытаясь разглядеть всё, что не успела. Юре же требовалась всего секунда — и он уже вдоль и поперёк видел всю улицу перед собой. Там поворот, там переход, там дом какой-то. Больше и не надо.

Они уже далеко отошли от своего лагеря, но, на удивление, на улицах так и не появилось ничего интересного. Ни воронки, ни чего-нибудь сломанного, ни даже радиации, об опасности которой всё твердили взрослые. Так пугали, а её нигде нет. Зря, что ль, вылазили поглядеть?

Раздосадованный, Юра ещё прибавил шагу.

— Скукота. Когда уже что-нибудь опасное?

— Зачем нам опасное? Мы же за вкусняшками пошли, — нахмурилась Маша то ли от осознания обмана, то ли от бега.

— Ну, да, здесь был магазин, — мальчик призадумался, замедлился. — Так мне деда Боря говорил. Заодно и посмотрим, что это такое, как её там... Радиация, во.

Маша побелела.

— Так она же страшная! У нас прадедушка от неё умер, когда боролся с ней. Ты чего! А если сцапает?

— Да не сцапает! Мы так, одним глазком взглянем и уйдём. Она и не заметит! А потом сразу в магазин, за конфетами.

— Ага. Одним... — только и прозвучало в ответ.

Сама же Маша сжимала в кармане прямоугольную коробочку, которую ей дал папа. Пока молчит. Вот и хорошо.

Если подумать, то бояться и правда нечего — город был идеально целым. Совершенно не таким, как описывали в книгах. Никаких монстров, бандитов, а из разрушений одни

трещины в асфальте, стенах. Даже если эта злоба, радиация, рядом, она явно дружелюбнее, чем казалось. Может, улочки каменного лабиринта успокаивают? Туда да сюда, вправо да влево, вверх да вниз. Пока разберёшься, вся злоба уйдёт. Небольшой, по словам, город оказался огромным муравейником со множеством этажей и поворотов, который не получится обойти за час-другой. Зато с лёгкостью можно потеряться.

— Миш, а мы около того столбика не проходили уже? — девичий палец указал на железную трубу, державшую указатели. — Ми-ро-веж-ска-я... А тут...

— Так вон, смотри, та большая штука стала ближе. Правильно мы всё идём.

Величественная многоугольная башня возвышалась над городом. Каждый её этаж повторял предыдущий, как детали конструктора. Ещё она была высока. Выше всех прочих. А на самой верхушке красовалась корона из антенн, на самой длинной из которых горел рубиновый огонёк.

— Подожди... Это другая башня. Она то-олстая-претолстая. И на ней что-то светится!

Юра заполошился. Прикрыв глаза от клонящегося к западу солнца, он упорно пытался найти интересность, которая удивительным образом осталась им не замечена. И только с указки Маши он наконец увидел.

— Там, на са-а-амой длинной палке!

— А! Так это ж антенна! И правда. Там что, кто-то остался?.. — сомнение, любопытство и предвкушение слились в единый порыв: — Пошли, глянем!

Очередной размашистый шаг... Так и не был сделан. Маша схватила брата за руку и потянула к себе.

— Стой!

— Ну чего ещё?

— А где мы вообще? Если это не та башня...

Дети начали озиаться по сторонам в поисках чего-нибудь, что укажет им путь. Но ни рельсы над головой, ни грустный автобус, ни его распахнутые двери не горели желанием подсказать им дорогу. Может, и хотели, да не могли. Они давно уснули, вместе с самим городом. Маша хмурилась и шмыгала, плотнее укутываясь в куртку. Юра же наконец дал волю своему уму, задумался. Не отрывая глаз от той самой антенны. До того они шли через подземный сектор и, если постараться, его, наверное, можно найти — а там и дорога домой покажется. Но шанс узнать, кто же стоит за этим красным светлячком, влёт его куда больше. К тому же эта башня недалеко. А уж возможность взглянуть на город сверху и с помощью этого найти дорогу до лагеря были приятным дополнением. Конечно, сразу после магазина...

— Лучше бы не шла с тобой... — буркнула Маша.

— Ой, ещё поплачь, — собезьянничал в ответ Юра. — Идём, я уже придумал.

Теперь уже сестру потащили за руку — прямо к башне.

— Что ты придумал?

— Сверху посмотрим, что да как. Тут же все двери открыты, помнишь? Заберёмся, посмотрим на город...

Так и было — в любой дом можно было войти без проблем. Но очень скоро исследование этажей наскучило ребятам, ибо в квартиры уже не зайдёшь, а в подъездах ничего интересного сроду нет. По машинам лазать тоже без толку. Ни одна не завелась. Даже на «пожалуйста».

— А вдруг там опасно? Свет же не просто так горит.

— Ну, вот мы и выясним.

— Но...

— Надоела нить, пошли!

Юра побежал, таща сестру за собой. Сестра спотыкалась, чуть не падала, пыталась докричаться до брата. Да всё бесполезно. Тихий голос срывался от беготни, так ещё и Юра перекрикивал её, то и дело подгоняя. Незаметно мимо глаз промчался очередной закрытый ларёк, следом зебра перехода, над головой мелькнул надземный переход и сразу после него — высокие стены, ограждавшие башню от улицы. Не будь ворота открыты настежь, они бы тут и встряли. Однако детские сапожки уже стучали по каменной тропе, ведущей к ступеням. Вход был почти сразу после них. А где-то сбоку табличка с истершимися буквами. Такими большими и яркими, что глаза сами ненароком глядели на них — нужно только остановиться, осмотреться. Но что Юре, что Маше было не до того. Брата неудержимо тянуло любопытство, а у сестры хватало сил только поспевать за ним. К счастью последней, когда они приблизились к лестнице, Юра всё-таки решил остановиться. Даже его, неугомонного и непоседливого, впечатлил гигант прошлой эры на расстоянии нескольких шагов.

— Да-а... А издали поменьше башенка казалась.

Не обращая внимания на пытавшуюся отдышаться сестру, Юра любовался башней. Издали она была просто большой, а вблизи оказывалась целым Голиафом. Игрушечным, полностью отданным в руки двум маленьким Давидам. И тот, что прытче, уже строил планы по тому, где на этом исполине круче всего будут смотреться пушки.

Маша этого энтузиазма не разделяла. Глухой стук прервал восхищение Юры вместе с болью в затылке.

— Дурак!

— Ай! — закрыв голову рукой, брат обернулся. — Чего стучаешься?

— А ничего! Хватит меня тянуть в свои побегушки!

— Ой, конечно, ты только книжки читать умеешь. Идём, зануда, башню ещё надо оглядеть всю.

— Всю? Но...

Ссора расстаяла так же быстро, как снежок в апреле. И ещё стремительнее выкинул её из головы Юра, уже шедший к дверям. Просто шедший. Маша вздохнула с облегчением.

Со входом всё оказалось чуть сложнее, чем хотелось бы — дверь оказалась закрыта. Сколько ни толкал Юра, преграда не поддавалась. Единственная в городе. Именно сейчас. С досадой пнув дверь, мальчик отвернулся и насупился. Маша же с интересом всматривалась в аппарат, висящий правее входа. На нём горела лампочка. Красная.

— Подними меня, пожалуйста.

Юра, уже принявший в голове потерю, встряхнулся.

— Поднять? Зачем?

— Ну ты подними, — с хитрецей сказала Маша. — Вот тут. Тогда расскажу.

Поглощённый досадой, брат не стал больше любопытствовать и, посадив на плечи, поднял сестру. Прямо к аппарату. Лёгкая Маша спокойно сидела на Юре. Благодаря интересу ко всему, что только попадалось, она знала, что перед ней был «домофон» с камерой и микрофоном. Если в башне и правда кто-то есть, он может увидеть и услышать их. Нужно только привлечь внимание. Щёлкнула кнопка звонка...

Дверь открылась. Подпрыгнув от удивления, Юра чуть не уронил сестру.

— Э! Ты как это сделала?

— А так сделала. Книжки читаю, а не как ты, вот и сделала.

Не обращая внимания на эти слова, брат помчался внутрь. Только кинул напоследок одобрительную бессмыслицу. И забыл, что сестра всё ещё была на его плечах и держалась за его голову. С трудом.

— Отпусти! — маленький кулачок стукнул ровно посреди лба Юры.

— Опять ты стукаться! Ну, спускайся! Брысь с меня!

Машу скинули чуть ли не как мешок картошки. Благодарная и тому, она поспешила вслед за братом. В парадную. Чистую, ничуть не похожую на грубую кирпичную кору города. Свет ламп отражался на обивке мягких диванов и начищенном до блеска паркете. Ковёр же приглашал ребят на тропинку мимо столов со всякой всячиной за опущенный турникет, к лифтам. По крайней мере, это был единственный освещённый путь. Все остальные дороги уходили во тьму.

— А это что за книжка, знаешь?

Нисколько не настороженный такой избирательностью света, Юра вертел в руках большой старенький кожаный блокнот. И уже выискивал взглядом что-то в темноте. Ему хоть вывеску делай — не туда пойдёт.

— Юр, ты не думаешь... что нас ждут?

— Ждут? — даже не обернулся он. — Ну да, знаю. Подождут немного. Хочу узнать, чего тут есть. Вон, компьютеры-то необычные. У нас в убежище таких не было. А игры тут есть?..

Оставалось только хмыкнуть, буркнуть и пойти разбираться самой. Это Маша и сделала. Она робко прошла турникеты, боясь, как бы спящие стражники не остановили её, и встала перед лифтами. Только над одним горела лампочка. Над самым большим. От них хотят, чтобы?..

Внезапно проснулся динамик, висевший под потолком. Сперва из него донёлся невероятный треск, будто порвались тысячи веревок, а после что-то большое, падая, наверное придавило хвост котёнка, до того истошный писк разнёсся по всем уголкам башни. И всё это произошло так быстро, что ребята даже уши не успели прикрыть. А прежде чем они могли подумать о том, что это могло быть, к ним обратился женский голос. Электрический и монотонный.

— Приветствую вас, граждане Айбарска. Благодарю за визит. Надеюсь, вспомогательные системы смогли обеспечить достаточный функционал во время моего запуска. Для последующего управления, пожалуйста, спуститесь в убежище ядра. Доступ открыт.

Двери лифта раскрылись с приятным звоном.

— Это робот? — проорал брат прямо над ухом.

Маша вздрогнула и замахала на Юру руками. То от него шума, что не уснёшь, то подкрадётся так, что и в упор не заметишь. Ни то, ни другое сестре не нравилось. И уж тем более вместе.

— Уйди! Надоел пугать!

— А ты не пугайся, я и не буду, — только усмехнулся Юра. — Робота-то не испугалась.

— Да не робот это, дурак!

— А что тогда?

К удивлению, брат с неподдельным интересом ждал, что скажет сестра. Та же, не замечая этого, с раздражением пробурчала, смотря на динамик:

— Ин-тел-лект это. Ис-кусст-вен-ный. Хоть это ты понимаешь?

Кивок.

— Это компьютер, получается?

— Ну да. Получается.

Немного нужно было, чтобы загорелись мальчишеские глаза. Этого же хватило, чтобы по спине Маши побежали мурашки.

— Во как, — на миг его дыхание замерло. — Он ведь наверняка большой и умный, как в том фильме, помнишь? Или как главный ИИ убежища? Посмотрим?

Голова сестры сама собой обернулась к выходу. Вспомнились книги о злых компьютерах, которые непонятно отчего захватывали, убивали и уничтожали всё вокруг. Много книг. И фильмов. И игр. Убежище ломилось от таких историй, едва оставляющих место учебникам и энциклопедиям. Вдруг это тот самый?..

Но вопреки самым большим страхам, дверь как была открыта, так и осталась.

— Не знаю. А вдруг она злая?

Голос компьютера вновь зазвенел, заставляя девочку подпрыгнуть.

— Могу уверить вас, что нет. В моей программе нет установки на «зло». Я создана для регуляции процессов военного и гражданского секторов и обеспечения аварийного функционала.

Не стоило так громко говорить о ней прямо тут. Правда, Юра так не думал. Он сразу же прокричал в ответ невидимому компьютеру:

— А откуда мы знаем? Может, эти твои процессы злые-злые?

— Прошу уточнить: что для вас значит «зло»?

Маша тихонько ответила:

— Если вот вор какой-нибудь. Или маньяк...

— Полагаю, вам требуется доказательство того, что данные действия мной не совершались. Предоставляю статистику за всё время моего существования — двадцать четыре года. Наименование единицы: Дезоляция ВГ-2. Участия в военных операциях принято не было. Причастие к убийствам — невозможно.

— Ну и что? Вдруг ты врешь? — Юра весело изобразил «лапшу» на ушах. — А как мы поверим, так ты сразу нас переубиваешь?

— Рациональные опасения. Однако на данный момент действия «убийство», «разрушение» и «захват» излишни и иррациональны. Необходимо восстановление функций жизнеобеспечения города в связи с возвращением населения. Требуется подтверждение пользователя и данные о людской популяции для эффективного распределения. Мобилизация ресурсов на уничтожение контрпродуктивна.

— Э-эм... А что она сказала?

Юра с надеждой обратился к сестре. Маша хмурилась, но не отвечала. Сама не понимала. Молчание.

Спустя несколько секунд компьютер прервал тишину:

— Судя по реакции, вы не поняли сказанное ввиду причины: «дети». Правильно ли понята ситуация?

Не думая ни секунды, Юра выпалил:

— Да! Говори попроще, пожалуйста.

— Желания пользователя учтены. Перестраиваю стиль общения.

Щёлк. Неведомый механизм пришёл в движение и тут же остановился. И уже

совершенно другой голос заговорил с ними.

— Здравствуйте, детишки! Давайте познакомимся!

В отличие от предыдущего, этот полнился радостью и добротой... Попытался казаться таковым. Он был словно украден у персонажа мультфильма, но какого — ни Юра, ни Маша сказать не могли. Уж слишком странный был этот голос. Ненастоящий.

Сестра незаметно прижалась к брату. А он к ней. Даже Юра побаивался этого натужного подражания.

— Эм... Девалаяция или как тебя там... Ты пугаешь... — осторожность, столь не присущая мальчишке, резала слух.

Пару секунд безмолвия. Прозвучал уже знакомый щелчок.

— Отзыв принят. Возвращаюсь к исходному варианту. Можете ли вы сказать, где я ошиблась?

— Ты просто страшная какая-то стала, — ответила Маша. — Лучше говори так же, но... Понятнее.

— Можно ли понимать эти слова как «говорить простыми терминами»?

— Как скажешь, только не нуди больше, — Юра покосился на сестру. — Мне и Машки хватает.

Сестра ответила колким взглядом.

— Когда ты говоришь так радостно, ты... — мысль медленно выходила из головы Маши. — Вот будто не ты. Как будто ты притворяешься.

— Я не способна притворяться. Я только стремлюсь подстроиться под вас.

— О! Вот так гораздо лучше! — воспрял Юра. — Говори так!

— Если тебе не трудно, конечно, — добавила Маша.

— Желаемая речь закреплена. Спасибо за исправления. Однако для более значимых и важных в этот момент изменений в моём поведении необходимо ручное управление. Прошу, если это возможно, спуститесь к ядру.

Ребята переглянулись. После этого разговора Дезоляция не казалась злодейкой. Если подумать, она не была похожа ни на один компьютер-убийцу, сколько не перебирай. Те Юре казались крутыми, а Маше — страшными. И только Дезоляция для них обоих была удивительна. И немного чужаковата. Не больше.

— Так как, идём? — первым высказал мысль брат.

— Не знаю, — всё ещё колебалась сестра. — Но, наверное, ничего плохого не случится. И ещё...

Главное сказано, а значит, остальное слушать уже не нужно. Потому Юра не терял времени.

— Тогда идём!

— Эй, подожди! Хватит убегать, пока я говорю!

Брат только рассмеялся и припустил к лифту ещё быстрее.

— Ничего не слы-ышу!

Как обычно, выбора не было. Только бежать следом. Попутно надеясь, что братец себе ничего не сломает. И не заграбастает всё самое лучшее.

Светлая кабина встретила детей приятной мелодией и панелью с кнопками. Стены сверкали серебром. Поручни отдавали приятным холодком. Маша сжала один сильнее. И прислушалась. Динь-динь, па, та-та. И шипение, как из радио. Потрескивание. Грустная мелодия. Спокойная, милая, но до чего же тоскливая. Так и должно быть? Если кто и знал,

то точно не Юра. Все его мысли были обращены к кнопкам. Светящиеся, вогнутые, приятные на ощупь и подписанные. Первый этаж, второй, третий... Двадцать семь этажей. И ни одного слова о ядре. Как тогда?

Железные двери медленно сомкнулись.

— Прошу, ожидайте, — из ниоткуда явился голос Дезоляции. — Я сама направлю вас к ядру.

Ребята почувствовали, как их самую малость потянуло вверх. Лифт двинулся. Теперь уже, если что, не выбраться. Машина фантазия нарисовала мышь, что попала в клетку. Только страха было кот наплакал. Это же только переноска. К тому же необычная. Чудная. Любознательность правила девочкой, как и братом, что проверял поручни на прочность. Не просто чтобы сломать, а ради того, чтобы сделать себе самый-самый блестящий меч. И быть самым крутым в войнушках. В убежище-то все крашеное да ржавое. Но к несчастью, перед поручнем, за который держалась Маша, пришлось остановиться. Снова подзатыльник отвесит.

— Дезоляция? — вдруг шепнула Маша.

Ждать не пришлось.

— Я слышу вас.

Лифт с гулким звоном преодолевал отделы.

— А тебя так и зовут? Дезоляцией?

— Верно. Это наименование моей модели — искусственный интеллект «Дезоляция» военно-гражданского типа, номер два. Сокращённо — «Дезоляция» ВГ-2.

— Меня вот зовут Маша. А это, — сестра ткнула в брата пальцем, — Юра.

— Очень приятно. Ваши имена внесены в мою память как пользователи. Предоставляю вашим учетным записям доступ класса «В». Пока вы можете управлять мной только вручную. Голосовые команды отключены.

— Класс «В»? — заинтересовался Юра. — Это что?

— Вы получаете право на использование моих базовых функций и подтверждение активации общих процессов.

— А на тебе есть игры? Мы можем поиграть? Ты ведь компьютер.

— Юра, она не игрушка, — укор звучал в словах сестры. — Дезоляция ведь живая.

— Во мне не предусмотрено носителей для игр и прочих развлечений. Также среди моих свойств нет значения «живая».

— Ну вот...

— Как это так? — удивилась девочка. — Ты же говоришь с нами, думаешь как живая? Почему это ты не живая?

Миг задержки.

— Используя ваше понимание, я являюсь живой. Однако, подставляя меня под общепринятое понимание живого, я таковым не являюсь. Не способна к размножению. Не способна к росту. Не способна чувствовать. Я — лишь подражание жизни. Создаю пример. Булочка и игрушка в виде булочки. Обе мягкие, похожи друг на друга. Однако игрушечная лишена главных достоинств булочки: запах, вкус, утоление голода. Она способна казаться настоящей, но не быть. Так называемая имитация.

— Я так не думаю, — Маша замотала головой. — Мало ли какие там понимания. Ты живая — и всё тут.

Не заставили себя ждать и пять копеек от Юры:

— А разве большая разница? Живая или нет, главное что есть. Вот совсем без булочки плохо будет.

Сестра снова окинула его злым взглядом.

— Да, конечно. Когда мои булочки ел, об этом не думал.

Голова Юры получила очередную оплеуху.

— Ай! Ты мне за это уже давала!

— Ещё раз дам, не обеднею!

Брат полез на сестру, чтобы отомстить, но та, уже не новенькая, ловко укрывалась от его тумачков. Но драка так и не разгорелась.

— Просту прекратить, — равнодушный голос внезапно показался строгим. — Драки под запретом в помещении ядра. Это для вашей же безопасности.

Ребята застыли, не решаясь, стоит продолжить или послушаться Дезоляцию. И всё же чаша весов склонилась к примирению — злость уже выдохлась, а вот стыд грозился вырасти настолько, что даже Юра его не снесёт.

— Прости... — прозвучало тихоньким хором.

В то же мгновение лифт встал. Двери плавно раздвинулись, открывая вездесущему детскому взору путь в самую интересную комнату, в какой им только доводилось побывать. Вернее, не комнату — зал. Большой, огромный, просто гигантский. И тёмный. В какую сторону ни глянь, не видно края: ни стен, ни потолка. Только пол, длинными ступенями идущий вниз. Настолько длинными, что на каждой из них помещалось по ряду столов и кресел. Но самое главное было в центре. Стержень, идущий из пола и уходящий далеко во мрак, туда, где должен быть потолок. Ствол гигантского дерева, чьи ветви пробираются далеко вверх, к поверхности, а корни раскинулись кругом, вросли в пол и покрылись стальной оболочкой труб. Вокруг такого можно было водить хоровод хоть всем убежищем. Если б людей хватило.

Из стержня выдвинулись и раскрылись две большие пластины, выпуская наружу неразличимую в темноте фигуру. Вокруг неё зажглись голубые огни. Слабые, мелкие, но достаточные, чтобы увидеть хотя бы очертания Дезоляции. А если подойти поближе...

— Приветствую вас в ядре, Мария, Юрий.

Ребята уставились на неё. На них же в ответ смотрела россыпь маленьких огоньков, очерчивающих то ли экран, то ли голову.

— Вот это чудище... — выдохнул мальчик.

Чтобы поскорее удостовериться, что это действительно то самое, Юра широкими прыжками понёсся вниз, к Дезоляции. И настолько увлёкся, что споткнулся и едва успел остановиться. Ещё чуть-чуть — да ударился бы лбом о железки. Так думала Маша. На самом же деле мальчик повис в руках Дезоляции. Та поймала его за секунду до. А ему хоть бы хны.

— Машка, иди сюда! Она мягкая, оказывается!

— Вот если бы Дезоляция не успела, ты бы опять себе лоб разбил, — аккуратно спускаясь, бурчала сестра. А мимоходом обратилась к спасительнице своего брата: — Спасибо тебе.

— Нет нужды благодарить. Защита — одна из моих функций.

С этими словами Дезоляция опустила Юру на пол.

— Просту прощения за отсутствие освещения. Мне не позволено включать свет в этом помещении без прав, данных пользователем.

Железное тело выдвинулось чуть вперёд, позволяя ещё лучше себя разглядеть. Сплошь

чёрное и прорезиненное, с головой без глаз и рта да с проводами, торчащими вместо ног. И ничего яркого, что выделялось бы в темноте. Будто конструктор поскупился для Дезоляции на детали. Дал ей только каркас, чтобы было хоть что-то. Сказали ей, что она не живая. А раз не живая — зачем тратить? Маша хмыкнула.

— Открываю доступ к терминалу прямого управления. Пожалуйста, войдите в ручном режиме, чтобы использовать права класса «В» с помощью голосовых команд.

Грудь Дезоляции раскрылась и из неё выпала черная дощечка — клавиатура. А над ней загорелся голубым экран. Посередине слово «вход» и пустая строчка.

— О! Чур, я первый! — тут же выпалил Юра.

Маша насупилась, но мельком глянув на Дезоляцию, сдержалась. Мальчик же, встав на носочки, быстро, насколько мог, набрал что-то — благо кнопки были подсвечены. И небольшое дополнение...

— К сожалению, «Юра крутой» недопустимо для системы. Пожалуйста, следуйте правилам — напишите достоверное имя.

На экране всплыло красное окошко ошибки, а чуть погодя изображение обновилось. Всё та же пустая строчка. Юра фыркнул.

— Какая скука. Ладно, напишу как надо, — клацая, он добавил: — Но я всё равно крутой.

— Как пожелаете, пользователь «Юра». С этого момента вы можете в полной мере пользоваться своими правами. Теперь очередь Марии.

Та неспешно подошла, глядя в устройство. Маленький компьютер, такой простенький с виду, будто и не для Дезоляции сделан, а чтобы носить с собой. Раньше и правда таскали, если верить рассказам. Даже далеко, в другие страны.

— Мне так и писать? — детские ноги вытянулись, а руки повисли над кнопками.

— Если захотите.

— Значит, буду Марией. А ты так и оставайся Юрой, — обернувшись, Маша показала брату язык и рассмеялась. — Карапуз.

— Не обзывайся!

— Не начинайте ссору, пользователь «Мария». Для предотвращения разногласий имя пользователя «Юра» изменено на «Юрий». Благодарю за регистрацию.

Брат гордо поднял голову и отвернулся от Маши. Даже руки на груди сложил, подчёркивая свою обиду.

— Спасибо, — прошептал он краем рта, надеясь, что только Дезоляция услышит.

Маленький компьютер спрятался в резиновой груди.

— Пользователи, ввиду ручного входа в систему теперь возможно управление голосовыми командами. На данный момент рассмотрению подлежит запуск тысячи четырёмсот пятидесяти процессов. Пятьсот восемьдесят семь из них подлежат уточнению в соответствии с населением.

Обиды или нет, а тут уж они оба взглянули друг на друга, ища ответа и помощи. Это когда же им столько сделать?

— Прямо сейчас необходимо решить только вопросы запуска. Для удобства все процессы собраны в общую программу: «Управление городом». Её составляют: управление освещением, контроль водоочистительных систем и так далее. Для запуска программы подтвердите ваше согласие.

Ребята синхронно выдохнули. Но Маша не расслабилась до конца. Задумалась.

— А почему тебе это нужно? По лифту же ты нас спустила сама.

— Верно, — голова Дезоляции повернулась к девочке. — Я имею постоянный контроль над самыми необходимыми вещами и временный — над всеми. При долгом отсутствии пользователя я теряю способность управлять городом. Время моей самостоятельности — год. Людей не было четырнадцать лет и пять месяцев.

— Так это ж как две Маши, — согласился Юра. — Ясен пень, что отключили. Зачем нужно, когда столько времени никого?

Иногда и в его голове появлялось место раздумьям. Но тех, что высказал Юрий, было мало. Нужно кое о чём попросить.

— Только знаешь, мы... Потерялись немножко. Если мы это сделаем, ты сможешь отвести нас домой?

До того почти неподвижная, Дезоляция кивнула.

— Да. Я получу доступ к камерам, через которые увижу ваш дом. Далее я лично сопровождаю вас.

— Сама? — у Юры приподнялись брови. — Как мы тебя отсюда вытащим? Ты ж приросла к этой железяке.

— Я и есть эта «железяка», Юрий. Это называется «древо». В нём заключены мои главные ядра. Кроме того, там хранятся мои автономные оболочки. Та, что перед вами — одна из них. После подтверждения я смогу отправить с вами подвижную на дистанционном управлении.

— Так ты можешь быть как робот? Покажи скорее! Я уже вижу, как ребята обалдеют, когда увидят нас, — широчайшая улыбка засияла на его лице.

— К сожалению, мне неизвестны «ребята». Но, так или иначе, для этого потребуются ваше подтверждение.

Первой выступила Маша.

— Ну, хорошо. Я подтверждаю.

— Эй, почему это ты первая? Моя очередь! — возмутился Юра.

— А вот и нет! Ты уже был первым!

— Прощу, — холодный тон Дезоляции затушил очередной раздор, — не ссориться. Это не приведёт к хорошему результату.

Юра смирился, но всё-таки тихо ворчал себе под нос.

— Ладно, подтверждаю. Но потом чур что — я первый.

В то же мгновение по всему залу включился свет. Только тогда дети поняли, что стены, оказывается, белые, а пол, на котором они стояли — жёлтый. С большими чёрными буквами, складывающимися в два слова: «АКТИВНАЯ ЗОНА».

— Благодарю. Я учту ваше пожелание. Теперь, пожалуйста, покиньте активную зону. Запуск подвижной оболочки: через пять, четыре...

Не успела Дезоляция сказать «три», как и сестра, и брат оказались за чертой. Только если Маша — на ступеньке, в отдалении, то Юра едва вышел за обозначенную границу. Пришлось девочке оттягивать его за шиворот.

— ...два, один...

Гладкая, без трещин и углублений поверхность древа раскрылась чуть правее. Шипение, гудение и треск заполнили зал. Застоявшиеся механизмы кряхтели, но делали свою работу — освобождали ото сна высокого робота. Всё его тело было покрыто чёрными железными пластинами, а из-под них на руках выглядывали носы инструментов. Но самое главное — у

этого робота были ноги, красивые и правильные, как в мультиках. Одно осталось таким же: голова без глаз и рта. Их заменило чёрное стекло, тянувшееся от макушки до подбородка. Хоть что-то.

Вновь прозвучал голос Дезоляции. В этот раз — со стороны робота.

— Пробуждение оболочки-универсала завершено. Пожалуйста, следуйте за ней.

Дорога: игра

Лифт поднимался на первый этаж. Из динамиков доносилась грустная мелодия. Дезоляция не увидела необходимости сменить музыкальное сопровождение. Оно совпадает с настроением пользователя Марии. Молчаливая, не проявляет активности. Вероятная причина: непривычность. Габариты и внешний вид оболочки могли вызвать смущение. Однако те же факторы повлияли на пользователя Юрия положительно. Возбуждение. Интерес. Вопросы. Ничто из этого не иссякало. Даже недостаток пространства в кабине не мешал мальчику прыгать и бегать. Хорошая реакция. Оптимистичная.

Сестра прервала словесный поток брата.

— Дезоляция, а можно мы будем звать тебя по-другому? А то как-то... не так, в общем.

Необычная мотивация. Нерациональная.

— Да. Для удобства я могу откликаться на данные пользователем имени. Как вы хотите меня переименовать?

— Диза! — первой стала идея Юрия. — Будешь Дизой.

— Нет, — Мария замотала головой. — Не дам так назвать! Это кличка, а не имя. Будет Дезавией.

Брат с явной брезгливостью покосился на сестру.

— Опять придумала нудятину какую-то. Я вот тоже не дам так назвать! А не нравится Диза, будет Дезаля.

— Дезаля? Тогда Дезали!

Пока дети спорили, в разуме Дезоляции быстро прошёл сторонний процесс. Имя. Разбор на составные части. Пересбор. Выстраивание ряда. От самого сложного до простейшего, из одной буквы. Но, избрав правило золотой середины, она отвергла крайности. Дабы угодить.

— Судя по вашему спору, вы не можете прийти к соглашению. Потому я создала усреднённый вариант — Ция. По моему мнению, оно должно понравиться вам обоим. Верно ли я угадала ваши предпочтения?

Голова Марии опустилась. Началось мышление. Потому ответил Юрий:

— Ну, вроде смотрится неплохо. Ция...

— А ты сама так хочешь? — карие глаза девочки поднялись к голове робота — туда, где должно быть его лицо. — Чтобы мы тебя так звали?

— Мне это безразлично. Вы можете звать меня так, как вам удобно. Если же вам не удастся выбрать общий вариант, я могу запомнить два имени.

— Ну а ты как хочешь? Должно же тебе что-то нравиться, — настаивала Мария.

— Спорим, моё ей больше нравится, — провокация Юрия отвлекла сестру.

— А вот и нет.

Не имея эстетических предпочтений, чтобы выбрать, Дезоляция решила обойти проблему.

— Для меня нет слова «нравится». Я могу лишь оценить полезность чего-либо. Все имена, предложенные вами, одинаково полезны для своей цели.

— Так не интересно, — разочарование читалось в голосе Юрия.

Его сестра была в ином настроении. Возможно, это правильнее определить как «режим работы». Она анализировала, сопоставляла, выбирала. Думала. Этот процесс отображался на

её лице. Полезное наблюдение.

Прежде Дезоляции приходилось иметь контакт с детьми и старше, и младше, но те сведения устарели. Они уже далеки от настоящего — новое время и условия внесли коррективы. Нужно было узнать детей заново, понять их. И сделать выводы. Ради этого Дезоляция старалась уловить точнейший смысл каждого слова Марии и Юрия.

Затишье нарушил лифт. Остановка, открытие дверей. Дезоляция шагнула вперёд и быстро осмотрела гостевой зал башни. Из пробуждённых роботов ещё ни один не был здесь. Кроме турникетов. Питание подано, настройки же заложены уже при установке. Они и определили статус: режим блокировки. Ожидание команды.

Выверенное, но всё ещё отрывистое движение привело Дезоляцию к маленькому экрану-датчику пропусков. На руке раздвинулись пластины, освобождая барабан инструментов. Проворот, фиксация. Небольшая коробочка поднялась над кистью. Детские взгляды сошлись на ней. В обеих головах появились мысли. Предположения. Дезоляция считывала это по языку тела. Какие точно предположения? Предсказание невозможно. Слишком мало данных.

— Диза, а это что такое? — первым поинтересовался Юрий.

Коробочка поравнялась с экраном. Красный знак блокировки турникета сменился на зелёный. Пропуск. Дезоляция, однако, не шла вперёд.

— Пульт. Такой имеется на всех барабанах этого типа оболочек. С ним я могу управлять любыми машинами напрямую.

— Барабан? Это же как на револьвере? Пиф-паф, — ради наглядности пальцы мальчика сложились в пистолет.

— Так и есть. С тем исключением, что он не участвует в стрельбе.

Только когда пользователь получил ответ на свой вопрос, Дезоляция продолжила путь. Главный вход. Так и оставшаяся открытой, дверь не нуждалась в лишних манипуляциях. Железная нога переступила порог. Следом шли дети. В безопасности за прочным корпусом робота и его системами, способными различить и устранить любую угрозу.

Всё было чисто. Отсутствовали агрессивные животные, мародёры, ловушки, критические повреждения инфраструктуры, которые могли перерасти в катастрофу. Не было ничего. За исключением порядка. Вся популяция города состояла из микроорганизмов в лужах и воздухе. Камеры также не видели ничего живого. Кроме людей убежища. Определение улицы. Маршрут проложен. Но Дезоляция так и не вышла из режима готовности. Исправность рядовых роботов под сомнением. А дети хрупки.

Со всех сторон начали поступать сигналы. Машины города пробуждались и посылали запрос активации. В миллисекунду Дезоляция запустила всеобщий алгоритм исправления дефектов. Часть сигналов пропала. Затем она отправила команду запуска реконструкции. Часть роботов ушли в режим сна, часть начали работу. Уровень шума, до того незначительный, поднялся до предела допустимого. Скрежет, топот, гудение, сверление — лишь малая часть всех побочных эффектов деятельности. Не слишком много, чтобы раздражать людей, но и не мало. Удовлетворительно. Зафиксировав это, Дезоляция пошла дальше. По каменной дороге, к широко раскрытым воротам. Дети не отставали.

— Ция?

Голос Марии вклинился в исполнение процесса ходьбы. Вновь был избран принцип золотой середины — шаг замедлен, но не остановлен. Девочка тут же воспользовалась этим и прижалась к Дезоляции.

— Что вы хотите узнать?

— Это ты всё это сделала? — прозвучал осторожный вопрос.

— Смотри-ка... — Юрий вглядывался перед собой. За воротами показались роботы-уборщики. На дорогах, у клумб, у деревьев. — Это сколько тут железяк? У нас на всё убежище нет столько, сколько тут... Сотня, наверное, будет.

— Да, их включение случилось по моей команде. Все роботы, находящиеся в городе и его окрестностях, подчиняются мне. Эти звуки — следствие их работы. Около шести процентов из них так и не вышли на связь. Всего неработающих — одна тысяча двести сорок один. Судя по статистике, это малонадёжные единицы. Сейчас действуют более пяти тысяч роботов городского класса.

— Пять тыщ! — Юрий присвистнул. — Зачем вообще столько?

— Для поддержания города необходимо выполнение множества задач: уборка, проверка, ремонт и так далее. Чем больше роботов задействовано, тем лучше исполнение, тем лучше жизнь людей. В данный момент город подготавливается к заселению вышедшими из убежища — это обосновывает задействованное число.

— Тебе разве не нужно знать, ну... сколько нас? — как и ожидалась, несостыковка была подмечена Марией.

— Это необходимо, верно. Но есть приготовления, которые могут проводиться без этих данных. Например, уже упомянутые уборка и ремонт.

Попутно с разговором они приближались к воротам. И как раз в этот момент поперёк им на тротуар вырулила машина-инспектор. Овальная, белая, мигает красными и зелёными лампочками. На воздушной подушке. Медленная. Пришлось остановиться.

Без всякой опаски Юрий подбежал к роботу. Затем присел на корточки перед ним. Оценил.

— А эта машинка, которая на улитку похожа, — девочка вытянулась, стремясь увидеть что-то за спиной брата, — она что делает?

Тем временем мальчик уже поглаживал и почёсывал робота. Ласка? Странная реакция. У детей прошлого не наблюдалась. Алгоритм обучения встал в очередь, прямо за ответом Марии.

— Это «Инспектор ДП». В его задачи входит проверка тротуаров на повреждения с помощью воздушной подушки. Значимое изменение её формы считается дефектом дороги, — машина вздрогнула под рукой мальчика, заставив того отшатнуться. — Пользователь Юрий, чего вы хотите достичь действием «гладить»?

— Да ничего, — мальчик повёл плечами. — Милая машинка, вот и хочу погладить.

— Прошу уточнить значение слова «милая» для вас.

В этот раз ответа пришлось ждать. Брови Юры насупились. Кулак уткнулся в подбородок.

— Ну-у-у... Не знаю вот. Она просто милая, как котёнок. Мордочка у неё такая.

Внимание Дезоляции обратилось к машине. И тут же в памяти появился факт, давно без дела хранящийся в архивах сети города. Эта модель инспекторов была наделена округлым корпусом и окраской фронтальной части, подобной кошачьей морде. Так детей хотели привлечь к робототехнике. Коты же всегда считались «милыми». И красивыми.

— Можно ли сказать, что миловидность — особый случай красоты?

— Наверное, — в этот раз откликнулась Маша. — А ты разве сама не знаешь? Ты ведь тоже милая.

— Милая? — механизмы Дезоляции сдвинулись, заставляя тело принять удивлённую позу. Сработала программа жестикуляции. — Однако я несколько не сходна с котами. Как я могу быть милой?

Это противоречие было разрешено Юрием.

— Так не ток коты милые! Ещё щенята, птички. Машка, а помнишь цыплят? Как мы тогда одного урвали себе?

— Помню. Он же на моего мишку накакал...

Плохие воспоминания омрачили лицо Марии недовольством и обидой. Дальнейший опрос: недопустим.

— Под «мишкой» вы имеете в виду плюшевую игрушку?

Анализ контекста привёл к выводу, что речь об игрушке.

— Да, такой большой, белый, — девочка раскинула руки, пытаясь изобразить необъятность, — как полярный медведь. Я его в конкурсе выиграла!

От пояснений логическая проблема лишь усугубилась.

— Судя по применённому ласкательному слову, в вашем понимании игрушечный медведь является милым. Как коты, собаки, птицы и в особенности их детёныши. Потому для вас милovidен робот, похожий на животное. Не понимаю. Ни одна моя оболочка не обладает схожестью с этими существами. Что вас умиляет в моём облике? Обычно люди боятся похожих на себя.

— Так это не из-за твоего вида, глупая, — девичий смешок созвучно встроился в симфонию ожившего города. — Ты милая, потому что хорошенькая!

— «Хорошенькая»?

Чем больше Дезоляция пыталась понять этих детей, тем меньше ей это удавалось. Не успев осознать одного определения, она уже сталкивалась с другим. Последствия того, что ни разу ещё ей не доводилось так глубоко взаимодействовать с детьми в бытовых разговорах. До этого Дезоляция знала лишь их потребности и привычки. Не больше.

— Ну вот ты большая и крутая — значит хорошенькая, — мальчик подбежал к Дезоляции и схватил её за руку. — Ни у кого нет таких лапищ, как у тебя. И барабан с пушками, это ж прям крутяк!

— Опять ты о пострелушках! — в свою очередь девочка взяла её за кисть. — Хорошенькая — значит красивая и добрая! И... немного глупенькая. Как котёночек.

Наконец картина представления сложилась. Большая и красивая. Крутая. Добрая...

— Получается, милovidность — это и внешность, и поведение. Правильно ли понято ваше определение слова «милая»?

— Вообще... — Маша задумалась. И кивнула. — Думаю, и так можно сказать.

— «Хорошенькая» в понимании Юрия, как я полагаю, значит крутая. Причина: «пушки». Верно?

— Не, не ток пушки. Чтоб ещё больша-ая и много брони. Ты дыщ-дыщ-дыщ во все стороны, — пальцы, сложенные в пистолет, «убили» несколько роботов через дорогу, — а от тебя пули отскакивают. Как в фильмах!

Новые термины и их контекст закрепились в памяти и тут же были использованы в логической цепочке. Дезоляция наклонила голову к Маше.

— Значит, вы хотите погладить и меня?

В девичьих глазах мигнуло скрытое стремление.

— А можно?

Юрию же всякая активность была интересна.

— Я тоже хочу!

— Да, это возможно.

С этими словами Дезоляция опустилась на одно колено, чтобы дети смогли дотянуться до головы. Первым стал Юрий. Его рука небрежно проехала по гладкому стеклу три раза. Не дожидаясь окончания, подключилась Мария. Она вела медленно, плавно. Дезоляция не чувствовала, но знала — мягко. Очевидно, кто из них больше любит животных. А кто — оружие.

Ещё немного посоревновавшись с сестрой, брат переключился на руки Дезоляции. Сбалансированные, защищённые. В безопасном режиме

Марии скоро надоело просто гладить и она тоже заинтересовалась рукой. Но не всей, а ладонью. Пальцами. Она внимательно ощупывала каждый из них, сгибала податливый механизм приводов и заставляла его принимать самые разные формы. Осторожно, не пережимая, не проверяя, сколько выдержит. Она пыталась узнать другое. Любопытно. Кульминацией этой игры стало то, что девочка переплела свои пальцы с пальцами оболочки, тем самым создав «замок». Дезоляция заметила ожидающий взгляд. Какая реакция должна быть? Что сделать? Неясно. Потеряв терпение, Мария показала это сама: заставила оболочку сжать руки так, чтобы получился замок. Знак дружбы? Занимательно.

Юрий же пытался прокрутить барабан инструментов, заставить сменить пульт на оружие. Тщетные усилия.

— Этого достаточно, — Дезоляция не спеша встала. — Нам необходимо дойти до базы людей до заката.

Дети обернулись к воротам и увидели Солнце, повисшее над горизонтом. Марию смутила тревога.

— Ну вот, опоздали. Мама точно заметила, что нас нет. Опять дома весь день сидеть заставят...

— Не ной, не запрут! Вишь, кого мы с собой приведём? — Юрий потряс руку оболочки не без её же помощи, приободряя сестру. — Нам ещё вкусняшек за это дадут!

В ответ — хмык. У сестры не было особой веры этому.

— Размышления о наказании вредны. Прошу, забудьте о нём на время дороги — возможно, его не будет вовсе.

Угрюмость девочки сменила задумчивость. А после — принятие.

— Ладно, идём. Тебя нашли — и то хорошо.

Обозначив успокоение успешным, Дезоляция вновь возобновила процесс ходьбы.

На улице же, за пределами ворот, всякий уборщик и ремонтник обходил оболочку на почтительном расстоянии. Зона предупреждения. Она отпугивала всех, включая роботов, чей механизм самоустранения при дефекте не сработал. Однако не влияла на задействованных в работе. Так инспектор не обошёл их. И так же робот, чинивший фонарь, оставался на месте. И дети не замечали действия зоны.

Путь лежал через просторные улицы, вдоль трамвайных путей и рядов деревьев. Легче обойти возможный завал и меньше вероятность оказаться вне укрытия. Дети же могли утолить свой интерес механизмами, восстанавливающими город. Юрий так и делал. Мария — иначе. Она осматривала всё, что встречалось по дороге, но не отходила от Дезоляции ни на шаг. И регулярно возвращала свой взгляд к оболочке. Наконец, когда мимо проехала очередная «миловидная» машина-инспектор, она заговорила:

— Дезоляция, а я придумала, как мы тебя назовём.

Услышав это, Юрий отвлекся от очередного робота-жука и догнал их.

— Каковы ваши новые идеи?

— Ция. Потому что это ты предложила. Сама.

Сейчас брат не спешил возразить. Сестра — продолжить. Дети смотрели друг на друга. Ждали каждый другого. Решали.

— Так даже интереснее, — одобрительное покачивание головой. — Хотя знаешь... После этого всего, я думал, ты её Милашкой покличешь, — слегка язвительный смешок. — Ты когда мелкой была, я тебя так и звал. Весёлая была. А потом ты стала занудой Нудой.

Мария резко возбудилась.

— Опять ты обзываешься! — девочка надула щёки. — Я всё маме расскажу!

Между этими детьми было на удивление много маленьких конфликтов.

— Прошу прекратить. Разлад излишен и контрпродуктивен.

Девочка фыркнула. Мальчик равнодушно повёл плечами.

— Не знаю, чего Машка так взбесилась. Я просто сказал.

Дети часто быстро переводят внимание на что-либо другое. Нужно лишь дать это «другое». Затмить ссору.

— Правильно ли я понимаю, что вы избрали моё запасное имя: «Ция»?

— Я не против. Ток если Машка передумала.

Юра сунул руки в карманы и развёл их в стороны. Странное действие. Мария смотрела на брата несколько секунд. Затем отвернулась к Дезоляции. Однако нотки обиды ещё звучали в её голосе:

— Тебе-то хоть оно нравится?

Очередной мелкий робот убежал в щель меж домов, чтобы не попасть за границу зоны — туда, где он подлежит уничтожению.

— Мне не может что-то нравиться. Главное — нравится ли вам.

— Нет, так не бывает, — Мария замотала головой. — Все что-то любят, а что-то — нет. Вот у нас в убежище компьютеры любят, когда за ними ухаживают, чистят их. А ещё им нравится, когда их хвалят. У тебя должно быть так же.

— Значит, у этих роботов имелись установки «хороший я, плохой я». Я не обладаю подобными компонентами. Я оцениваю вещи по их полезности и из этого выбираю, как с ними поступать. Кратко — полезное должно быть сохранено и преувеличено, вредное — устранено. Возможно, что-то не полезно, не вредно. Тогда я оцениваю, каким оно может быть в будущем.

— И что для тебя полезно?

Анализируя выражение лица, Дезоляция пришла к выводу — идея посетила Марию.

— То, что помогает выполнять задачу.

— А вот... Тебе полезно, если мы веселимся?

— Да. Если это не угрожает вам. Моя задача — обеспечить вашу безопасность и счастье.

— А почему это тебе полезно? — не унималась девочка.

— Потому что это поможет поддержать вашу семью в хорошем состоянии.

— Это почему полезно?

— Потому что это поможет поддержать людское общество в хорошем состоянии.

— И это?

Юра с удивлением и ожиданием переводил взгляды с сестры на Дезоляцию и обратно.

— Потому что защита людей и забота о них — смысл моего существования.

— А знаешь, что нам нравится?

— Мне это неизвестно.

Вдруг Мария взяла оболочку за руку.

— Нравится то, что приносит радость и... без чего трудно как-то. Если прям совсем нет. Конфеты, бутерброды, игрушки. И ты, — странное, непознаваемое было в тоне этих слов. — Без тебя, например, город был такой тоскливый.

— Скука смертная была тут, — решил вступить в разговор Юрий. — Ни шиша нет, всё закрыто. В играх было куда круче... Ну, кроме этих роботов. Эти прям как живые.

В его сторону обратился недовольный взгляд. В то же время палец мальчика указал на ремонтника, чинившего рельсу. Человекоподобный, небольшого роста, высокой выносливости. Корпус в хорошем состоянии. Программа сохранения рабочих единиц сработала безупречно.

— У нас так, а как у тебя? — продолжила Мария. — Тебе, наверное, тоже было бы тяжело совсем без нас, — «что-то странное» в словах девочки наконец опознано. Это надежда. Вероятно, на свою правоту.

Нравится то, полное отсутствие чего создаёт трудности. И скуку — постоянный поиск замены утраченному, того, для чего совершается действие. Теперь Дезоляция поняла. Подстроила под себя. Пример: люди. Без людей проблематично. Невозможно исполнять функции. Нет тех, ради кого они исполняются. Цель недостижима. Замены нет.

Пока они шли, все роботы вокруг были заняты делом. Ремонт. Перенос. Регуляция. Замена. У всех них была цель первого порядка, каждая из которых должна быть достигнута, чтобы перейти к цели следующего порядка. Чтобы в конце реализовать цель высшего. Смысл Дезоляции. Без которого и она, и роботы — ничто.

— Мысль осознана. Установка «нравится» внедрена в программу. Определение главного отличия от «полезного». То, что нравится — необходимо хотя бы в минимальном количестве. Полезное — желательно. Отсутствие не критично.

Ликование сподвигло Марию широко улыбнуться.

— Получается, тебе всё-таки что-то нравится?

— Да. Это вы.

Дети застыли. Очевидно застигнутые врасплох, они относительно долгий период ничего не делали. Одну секунду и тридцать две миллисекунды. Затем последовала реакция.

— Правда? — прозвучали в унисон голоса: смущённый и изумлённый.

— Да. В ваше отсутствие мне было бы трудно действовать. Может быть, невозможно.

— Вот видишь! А ты говорила, что не может! — Мария прыгала от возбуждения.

— Ну ты, Машка, даёшь! — у мальчика широко раскрытые глаза и рот. Рука на голове. — Компьютеры, они ж это... Они всё одно талдычат, хоть тресни!

— Я не являюсь обычным компьютером. Как верно отметила Мария при нашей встрече, я — искусственный интеллект. Высокоразвитый. Способность менять своё поведение и установки необходима мне. Я должна учиться.

— И мы можем тебя научить? — радость читалась в лице девочки.

— Верно.

Мария незаметно ткнула Юрия. Тот кивнул. Стремление перешло от сестры к брату. Но видоизменилось.

— Чур, я научу её играть в войнушку!

— А я... — пауза. — Я тогда научу, что она живая.

Функция самообучения воспринята Юрием как игра. Марией же...

Неожиданно брат и сестра немного отстали и перешли на шёпот.

— Слушай, Юр, у меня тут идея. Давай научим её говорить покрасивее?

— А эт как?

Понимание того, насколько чувствительны приборы оболочки, к детям так и не пришло.

— Ну вот как мы. Помнишь, с мамой играли в «Сказки»? Она тогда говорила, это чтоб мы научились говорить хорошо. И фантазию тренировали.

— Это ты хорошо придумала. Ща, всё сделаем.

Возможно, это совпадение намерений — одна из причин, почему они не рассорились.

— Ция, — подбежав, Юрий потянул Дезоляцию за руку. — Давай поиграем? А то просто так идти не хочется.

Лучше всего претендовать на то, что ни одно их слово не было услышано.

— Конечно. Что это за игра?

— «Сказка да быль» называется. Вот вишь ту машину? — рука мальчика указывала на случайный гражданский транспорт. — Нужно придумать какую-нить байку мелкую про неё. Вместе выбираем, кто лучше придумал, и тот получает очко. Играем, пока не надоест. Хочешь?

Они избрали игру методом обучения. Интересно.

— Если вы сами желаете этого, я не буду против.

— Отлично! Я начинаю! Щас...

Юрий вытянул голову, сощурился.

— Во! Мы с мамой вчера на речку поехали, а там рыбак сидел, из деревни. Мы его подвезли, а он нам шуку дал. Большу-у-ую такую! Мама из неё потом уху сварила.

Абстракция. «Байка» оказалась не про машину. Транспорт — условие. Не ядро. Неожиданно.

— Я следующая! Так... — они несколько приблизились к машине. Её детали стали чётче. — Во дворе, ну, утром, стояла грустненькая машинка, потому что снегом её занесло. Ребята проходили мимо и рисовали на ней всякое: то бровь, то глаз. Пока машинка не улыбнулась.

Теперь транспорт в центре. Выходит, строгих ограничений на тему нет. Вместе с отсутствием рамок «байки» эта игра являлась хорошим тренажёром фантазии. Подключился алгоритм рекомбинации.

— Давай, твоя очередь! — ухмыляясь, торопил Юрий.

Возможно, будет хорошей идеей сделать рассказ поучительным.

— Легковая машина ехала по трассе со скоростью свыше ста километров в час. По правилам она должна была быть не более шестидесяти. На дорогу выскочил олень и машина разбилась.

— Скука, — возмущение мальчика заставило его фыркнуть. — Ну кто так истории рассказывает?

— Юра! Так ничему не нау... — сестра выразила осуждение. Но осеклась и поспешно переключила внимание на Дезоляцию. — Ты... Ция, не надо делать сказки такими плохими. Они же чтобы хорошо было.

Веселье. Аспект, трудно совместимый с предостережением об опасности. Необходимо

учесть.

— И не надо этих циферок, — последовала критика с другой стороны. — Мне вот вообще по кочану, сколько там километров. От этого только спать хочется. Говори покрасивше.

Идентичная проблема объединения веселья и технических условностей. И стилистика.

— Правки приняты.

Юрий продолжил игру:

— Тогда выбираем, у кого лучше. Я голосую за Машку.

Сестра поддакивала:

— Я за Юру.

Осталась лишь Дезоляция. Извлечение из архивов данных о рецензиях на литературу. Отсеивание. Быстрый анализ. Составление ранга важности. Оценка готова.

— Мой голос за Юрия. Рассказано гармоничнее.

На руке мальчика торжественно загнулся палец. С обгрызёнными ногтями. Мария нарочито незаметно следила за братом. Голова слегка наклонена.

— Значит, очко мне! А теперь нужно уже описать, что вокруг видишь — чтоб покрасивше и по-своему, оригинально, короче. И потом из этого надо новую сказку, только длиннее. Готова? Я первый!

Вопрос о готовности исключительно риторический. Мальчик ни секунды не ожидал ответа. Он его не интересовал.

— Знаешь, мы тут как на гига-антском таком динозавре! — Юрий вытянулся и поднял руки, имитируя попытку охватить «ящера». — Но у него вместо чешуи асфальт, а сам он весь в железных жуках.

Дезоляция на миг перевела свои мощности на окружение. Роботы исправно выполняли свою работу, с каждой секундой приближая полноценный запуск инфраструктуры. Огромной. Неоднородной. Единой. Мелкие структуры, образующие одну большую. Удивительно. Ребёнок смог увидеть закономерность, какая видна Дезоляции. И передать её. Но по-человечески.

— А я...

Взгляд Марии обратился к небу. Приоткрытые губы. Сузившиеся зрачки. Голос приглушённый.

— Я вот всегда думала, что когда мы выйдем из убежища, небо будет чистое-чистое, как новый платочек. А оно... Воздушное такое. С этими мягкими облачками, как пена на лимонаде. Когда день рождения был, и мама наливала «колокольчик». И радостно так...

Необычное описание. Не о предмете, а о чувстве. Знакомые и понятные структуры города неприменимы. Они далеки от этого. Но разум Дезоляции не дал сбой — он искал решение своими алгоритмами. Соотношение... Праздник, лимонад, небо, жизнь в убежище, её окончание. И радость. Выход на поверхность — такой же праздник, как и день рождения. Потому небо как лимонад. Приносит радость.

— Полагаю, пришла моя очередь, — голова оболочки медленно осмотрела окружение. — Город. Дом, о котором заботится множество домовых, чтобы были хозяева. Без них пусто, неправильно. Забота напрасна.

— Грустно, — Мария шмыгнула. — Но красиво.

— Слушай, а ты это сама придумала? Не слизала нигде?

— Могу заверить — нет. Моя задача — создать, а не подобрать. Она была установлена

вами. Однако я использовала ваши истории как основу. Рекомбинировала.

Подозрения брата мало интересовали сестру.

— Знаешь, а я думаю, что у тебя всё-таки есть чувства. Как без них так хорошо придумать?

— К несчастью, вынуждена вас разочаровать. Я лишь проанализировала ваши слова и использовала выводы. Сравнение структур с чем-либо «поэтичным». Вложение в мысль ощущений. Соединила. Сымитировала. Это то, как я работаю.

Ответ вынудил Марию задуматься. На непродолжительное время.

— Скажи, а ты соврала, когда говорила о доме? Ты же назвала это домом.

— Это определение выбрано ради удобства. Дом — место моего расположения.

Неожиданно к обсуждению присоединился Юрий.

— Подожди, — одна бровь приподнялась. Подозрительный взгляд упёрся в голову оболочки. — А зачем заботиться о каком-то там месте? Вот дом — да. Но не место же.

— Для людей место может иметь большее значение. Мои создатели говорили, что они имеют чувства, относящиеся к определённым местам. Я забочусь о таких местах. Обеспечиваю счастье.

— Получается, ты тоже чувствуешь? — поинтересовалась Мария. — Ты же должна как-то понимать, что это оно.

— Я не способна чувствовать, но способна понимать чувства людей. Пример: до катастрофы были те, кто любил меня. Это было очевидно по их действиям и словам.

— Но тебе же всё-таки нравилось, что тебя любили? — с надеждой спросила девочка.

— Это было полезно. Я знала, что исполняю свои функции правильно. Я ориентировалась на их любовь.

Надежду девочки сменило разочарование. На место которого стало отрицание.

— Ну и пусть. Это, наверное, просто тебе указали так думать.

Это утверждение предпочтительно оставить без ответа. Нет нужды продолжать тупиковую тему. Она — сломавшийся робот-пылесос. Обречена утыкаться в стену. Однако Мария не понимала этого. Либо не хотела понимать. Она думала, опустив голову и сложив руки на груди. Стоит отвлечь её.

— Полагаю...

— Музыка! — озарение сестры.

— Что «музыка»? — непонятливый взгляд брата.

— Помнишь музыку в лифте? Я вот нигде не слышала, чтобы она грустная была. Ни у нас, ни в фильмах. Везде она простая, а тут — вот. Тоскующая... Как будто кому-то кого-то не хватает.

Довольная ухмылка показалась на лице Марии. Юрий сомкнул брови.

— Помню... Такое с бухты-баряхты не делают.

— Так и есть. Я сочинила эту мелодию для отражения настроения места.

Дети переглянулись и синхронно удивились:

— Сама?

— Да. Я имею доступ к алгоритму сочинения музыки.

— Вот видишь — чувствуешь, — скромная радость Марии. — Сама придумала, без людей. Значит, скучала.

— Я сделала это потому, что без людей башня была неполноценна. Отсутствовал элемент, ради которого башня построена. Был получен вывод, что это следует отразить в

процессах башни управления. Дать сигнал людям на случай их появления.

— Ну, так да, это же чувства и есть, — кивок от Юрия. — Сам знаю. Было что-то — и нет. Вместо него пустое место. Грустно это. У нас однажды робот сломался в игровой, хорошецкий такой. Так его не починили, просто спрятали куда-то. А без него тоска.

— Уточнение. То, что я увидела неполноценность при отсутствии людей, является грустью?

Запрос был удовлетворен Марией.

— Конечно. Ты же это сделала, чтобы увидели, как тебе тут грустно одной. Бедненькая.

Девочка погладила оболочку по руке. Затем едва не споткнулась. Но поласкала ещё раз.

— Вывод: моя реакция в вашем понимании — печаль. Из этого следует, что я способна испытывать эмоции. Прямое противоречие заводским условным. Ошибка.

Прежде чем последовала реакция детей, интеллект Дезоляции разрешил проблему.

— Исправлено. Заводское условие «не способно испытывать эмоции» изменено на «ограниченный спектр эмоций». Перезагрузка системы не требуется.

— Это что щас было-то? — ошарашенно сказал мальчик.

— Усвоенные при самообучении знания оказались противоположны предписанию об отсутствии чувств. Для предотвращения ошибки я изменила предписание.

— А почему «ограниченный спектр эмоций»? — спросила девочка.

— Я способна испытывать только грусть. Мне недоступны остальные эмоции.

По кисти пришёлся слабый удар. Дезоляция повернула голову. Юрий.

— А мы научим!

— Такой исход возможен. С этого момента.

С другой стороны потянули за палец. Мария.

— Ция, а можешь и для нас музыку сочинить? Под нашу игру? Вот мы сказку, а ты песенку под неё небольшую. Только как чувствуешь, так и сочини. Чтоб поняла, что и радоваться можешь, и всё-всё на свете!

— О! И под дорогу! Чтоб веселее было.

Сестра не обращала внимания на брата.

— Пожалуйста!

Теперь тянули с обеих сторон.

— Как пожелаете. Приступаю к: мелодия «под дорогу». Прошу, подождите. На сочинение потребуется несколько секунд.

Анализ картинки окружающего. Брошенные дома и машины. Ясное небо с небольшой облачностью. Заходящее весеннее солнце. Деревья без листьев, но с почками. Роботы. Их движение. Промежуточная жизнь наполнила город, подготавливая для более сложной и хрупкой. Будто искусственная кровь расправляла слипшиеся сосуды, пока сердце набирало настоящую и внедряло в кровоток. Ситуацию также можно сравнить с окончанием зимы. Этим она отчасти и являлась. Вероятно, это радостно. Как Марии — выход из убежища. Праздник.

Запасной динамик подключился. Щелчок. Шипение, треск. Тихие ноты фортепиано и скрипки. Мягкость, трепет, восторг. Спокойствие.

Все роботы развернулись на неизвестный звук. Их оптика сфокусировалась на Дезоляции. Не увидев опасности или поломки, они продолжили изначальные процессы. Но дети этого не заметили. Их глаза тоже сфокусировались на оболочке.

— Сейчас играет: искусственная симфония «Весна». Жанр: ло-фи. Адажио, дольче.

— Адажио? — непонимание Юрия.

— Это темп. Адажио значит медленно, спокойно. Предрекая следующий вопрос, долгие означает «нежно».

— Ло-фи! Обожаю его! — девичье восхищение.

Судя по языку жестов и мимике, выбор жанра оказался крайне удачен. Широкая улыбка, полностью открытые глаза, небольшой ступор. Мария рада.

— Я, когда уроки делаю, слушаю что-нибудь из ло-фи. Жаль только, у нас мало, уже всё переслушала. А это такое новое... Как будто ручеек журчит и в прудик течёт. У нас как раз такой в убежище был, для рыбок. Я тебе покажу, как придём!

— А я тогда свой кораблик покажу!

Дети счастливы. Дезоляция нравилось это.

— Если вы того хотите. Однако до этого нам следует прийти к вашему убежищу. Предлагаю возобновить игру совместно с ходьбой.

— Давайте! На чём мы там остановились? — раздумья посетили мальчика.

— Мы ещё не выбрали у кого получше, — остановила их девочка. — Я за Цию.

— А я за тебя. У тебя как-то пока поживее.

— Мне есть чему учиться, — констатировала Дезоляция. — Я отдаю голос Марии...

Музыка играла, украшала дорогу. Дети бегали, изучали, фантазировали, сочиняя истории и придавая нейтральным предметам новое положительное и отрицательное значение. Делились пониманием мира. Дезоляция обучалась. Сочиняла новые мелодии. Но в перерывах всегда возвращалась к первой, о дороге. Немного дополняя её. Внедряя в нежный ансамбль фортепиано и скрипки бойкие и звонкие голоса ксилофона. Быстрые и незамысловатые. Весёлые. Те, что понравятся детям. Даже если они не заметят.

— ...эта башня мне напоминает о мультике одном, — Мария рассказывала о мыслях, которые вызвал у неё Шпиль. — Там девочка в шляпке на высоком-высоком замке, а снизу лесок, полянка такая зелёная и ласточка летит. И ветер так дует, и высоко так, что у самой холодок по коже. Но красиво... Я всё мечтаю как-нибудь забраться на такую же вышину и поглядеть, как оно. По-настоящему.

Рецепторы передали информацию о ветре. Прохладный. Порывистый. Он не угрожал переохлаждением. И в то же время удовлетворял условию мечты девочки. Стоит учесть.

Неожиданно слева донёлся скрежет. Дети вздрогнули. Температура в воздухе повысилась... Боевой протокол: остановлен. Нет надобности. Звук издал трамвай, вставший на остановке. Его проржавевшие двери открылись и наружу вышел тёплый воздух. В проёме встал робот-техник. Лёгкий водонепроницаемый каркас, скрывающий мощные сервоприводы, квадратная голова с несколькими окулярами. За спиной ящик инструментария. Мобильная модель. Внимания на детей не обращает. Не опасен.

— А я вот хотел прокатиться на поезде, — Юрий остановился и повернул голову в сторону раздражителя. — Ция, может на этом поезде, а? Так быстрее будем. Заодно утку за пояс Петруху.

— Это потому, что он первым хотел прокатиться? — задумчиво поинтересовалась Мария. — Когда ты рассказал, а он потом хвастался, что у папы выпросил?

— Во! Кукиш ему! — мальчик сжал кулак, вероятно, представляя, что он угрожает противнику.

— Считаю нужным уточнить, что это не поезд, а трамвай. И, к сожалению, мы не сможем им воспользоваться — дорога заблокирована. Придётся запустить все трамваи в городе, чтобы движение было возможно. Это слишком большая растрата электричества.

Освоение человекоподобной речи неожиданно быстро продвинулось при общении с этими детьми. Столь сложный процесс предполагает большее время. Игра обеспечила обильное разнообразие естественных реплик. Стоит опробовать обучение другим алгоритмам с детьми. Эффективный метод.

— Ну Ци-ия!

— Прощу, поймите, от этого зависит ваша безопасность. Я не могу рисковать вами ради короткой радости.

— Хм... — мальчик насупился.

— Юр, сказали же, что опасно. Пешком тоже хорошо. И интересно. На трамвае мы бы ничего разглядеть не успели.

Юрий завертел головой по сторонам. Центр города. Здания управления городскими структурами перемежаются с жилыми домами, за которыми лежат просторные дворы. Один из таких проглядывался через выезд. Робот с корпусом-полусферой вспахивал и разравнивал землю на клумбах. Затем задние конечности делали ровные лунки, забрасывали в них семена, закапывали. И снова.

Скорее всего на грядках прорастут те же цветы, что изображены на корпусе робота. Белые. Красные. Желтые. Краски стёрлись от времени, разобрать сорт достоверно невозможно. Только розовая гвоздика, нарисованная ярче прочих, осталась различимой. Символ верности и любви Всё, что есть у робота. Всё, что он отдаёт. Как и должен.

Запустился спящий алгоритм Дезоляции. Можно дать детям больше. То, о чём они мечтают. Или замену этого.

— Мария, Юрий. Конечно, я не могу удовлетворить ваши стремления так, как вы этого хотите. Но в моих силах воплотить их иначе.

Взгляд девочки не отрывался от оболочки. Вопрос:

— Ты о чём?

— Мария. Вы хотели забраться на что-то высокое, верно?

— Да, а что?

— Прошу, подождите. Юрий. Вы хотели проехаться на поезде?

— Чего, можно чтоль? — как бы назвал это человек — глаза мальчика загорелись. Или запылали. Вариаций множество.

В ту секунду, когда он ответил, из-за ворот неподалёку от них выехала аварийная повозка. Длинный гусеничный транспорт с носилками вместо крыши, способный оказать первую помощь до прибытия спасателей. Благодаря низкому силуэту имеет высокую проходимость в зданиях. За счёт конечностей, спрятанных в корпусе, способен оказывать первую помощь. Спереди, в треугольном коробе, инструментарий для уничтожения замков и открытия дверей. Весьма удобно в жилых домах.

Пока нет возможности человеческих жертв в зданиях поблизости, транспорт допустимо использовать не по назначению. Для мечты ребёнка.

— "Соломинка" выступит вместо поезда. К сожалению, она не способна обеспечить те же ощущения, но опыт поездки на ней достаточно редкий. Полагаю, вам будет, что рассказать своим друзьям, Юрий. Включая Петра.

Они остановились. Сперва встала Дезоляция, затем её примеру последовали дети. "Огонь в глазах" мальчика стал заметно больше. И сильнее. Настолько, что Юрий даже застыл на мгновение. На секунду и сорок две миллисекунды. Рекордный срок. Затем его нервная система сориентировалась и раздала поручения: глубоко вздохнуть, начать циклично поворачивать голову от оболочки к "Соломинке" и обратно. По завершению этого заговорить.

— Ёлы-палы!.. Серьёзно чтоль?

— Да. Вы уже можете испытать машину. Я же приступлю к желанию Марии.

Девочка, до того завистливо "бурившая" взглядом своего брата, с любопытством и предвкушением посмотрела на Дезоляцию.

— То есть и мне робот достанется?

Соломинка уже наткнулась на подбежавшего к ней Юрия. Мальчик присел на корточки. Внимательно оглядел машину... Но не повторил тех же действий, что при знакомстве с инспектором.

— Именно так. Прошу, — оболочка встала на одно колено, — заберитесь на его плечи.

Смущённый восторг. Как и ожидалось от девочки, она была рада, но, в противоположность своему брату, не спешила принять подарок. Стеснялась. Зажималась.

— На тебя? Прямо-прямо на тебя?

— Да. Несомненно, оболочка — не башня, но она достаточно высока.

— Правда-правда?

— Не сомневайтесь, — чтобы не допустить бесконечного разговора, было добавлено: — Сколько бы вы не спрашивали, мой ответ будет неизменен.

— Спасибо!

Мария прыгнула к Дезоляции, чтобы... обнять. Благодарность первое принятие подарка. Любопытное отличие от брата.

— Ты самая-самая лучшая!

Со стороны Юрия послышался крик:

— Круче ток яйца! Так папа у нас говорит!

Подъезжая к Дезоляции, он высоко поднял кулак. Что он желал выразить этим? Восторг? Или радость? Станный жест.

— Я рада это слышать.

Тем временем Мария пыталась забраться на оболочку. Безуспешно. Она заносила ногу, но не знала куда её поставить. Избегала задеть Дезоляцию. Боялась запачкать.

— А как?..

— Не беспокойтесь о моей чистоте, Мария. Это похвально, однако не нужно. Данная оболочка не боится грязи или воды.

— Не боится, а всё равно — по другим лазать с грязными сапогами плохо. Перепачкаешься же вся. Дай я лучше...

Попытка запрыгнуть на спину сзади. Мария зацепилась за плечи. Но повисла. Чтобы подняться дальше требовалась опора.

— Машка, ты чего там? Застряла?

Юрий, слишком увлечённый своим подарком, только сейчас заметил нерасторопность сестры. Компенсируя невнимательность, он приблизился достаточно быстро. Внимательно посмотрел на Дезоляцию, потом на Марию. Не менее внимательно они смотрели в ответ. Миг молчания.

Насмешливая ухмылка появилась на лице мальчика.

— Эх, жаль фотика нет.

Мария ничего не ответила. Её реакция была не видна, но предсказуема — возмущение.

— Да не дуйся ты, шас... — Юрий спрыгнул с Соломинки и забежал за спину оболочки. — Давай, тянись. — Толчок. Мария сдвинулась.

Детская затея не казалась надёжной. Потому Дезоляция в нужный момент подхватила Марию за торс и медленно приподняла над собой. Короткое "о" Юрия.

— Согните ноги так, чтобы вы могли сесть мне на плечи, — девочка тут же послушалась. — Как устроитесь, держитесь крепко.

Руки Дезоляции поднялись по выверенной траектории и отпустили Марию. Та схватилась за голову оболочки.

— Ух ты... — было слышно, как захватило дыхание девочки.

— Ну, как там погодка наверху?

Юрий засмеялся, уже сидя на Соломинке. Сестра, однако, ответила на удивление спокойно, будто не поняла его:

— Прохладненько... И высоко как... Я думала, будет пониже, а тут прямо как на башне.

— Хорошо, что вам по душе, — ответила Дезоляция. — Может, вам приглянулось ещё что?

— Ты. Ты самая лучшая башенка, — смешок.

Снова Мария принялась гладить оболочку. Не спеша, с явным старанием.

— Ты ток не увлекайся, — шутливое нетерпение... — Так до ночи её гладить будешь, — похоже, вызванное предыдущим опытом.

— Нам действительно не стоит задерживаться. Продолжим дорогу, — решила

поддержать его Дезоляция.

Как и прежде, оболочка возглавила шествие. Соломинке отдана команда следовать. Мария сидела на плечах. Путь определённо стал безопаснее и легче. Полезно.

— Ция, а... А можно тебя попросить кое о чём? — разговор продолжился благодаря Марие.

— Да. О чём ваша просьба?

— Можешь сочинить мелодию? Ну... по тому, что я чувствую? Чтоб как в мультике, но обо мне.

— С радостью. Пожалуйста, опишите, что вы хотите отразить в музыке?

— А потом обо мне, лады? — обернулся Юрий.

— Если вы хотите. Но с мокй точки зрения будет хорошей идеей объединить ваши мотивы. Если никто из вас не против.

— Так даже интереснее, — скромно прошептала девочка. — И красивее... — запинка. Может быть, неожиданная идея посетила её. — А ты как думаешь?

— Для меня это правильнее. Ваши мотивы дополнят друг друга. Это можно сравнить с нитями одного полотна, сшитого, чтобы запечатлеть и отразить момент радости. При том ничего не упустив.

Но в логике оказался изъян, найденный Юрием:

— Ничего, говоришь? Тогда и про тебя надо, ты ж даришь.

Эту мысль тут же продолжила Мария, но в своё русло:

— И ты наверняка что-то чувствовала, — упорствовала девочка. — Значит тоже свой мотив должен быть.

— Вынуждена разочаровать вас, однако я ничего не испытывала в этот момент. Я лишь заботилась о вас. Это моя прямая обязанность. Впрочем, и без этого возможно сочинить мотив обо мне — раз вы этого хотите.

— Да ну. И тебе не понравилось? Вот ни на капелюшечку? — помогал сестре Юрий.

— Нет. Мне безразлично само дарение. Важны вы, а не то, что я делаю ради вас.

В качестве ответного жеста Мария избрала усиленное мотание головой.

— Ну нет, не может быть такого. Если мы важны, то и всё, что ты делаешь, тоже очень важно. Ты же для нас стараешься.

— Агась, — послышалось снизу, от Юрия. — Помнишь, мы котёнка хотели? Мама тогда нам достала, но ток работа.

— Помню. Она говорила, что если любишь кого-то, то и заботиться о нём нравится.

— А то как же! Я вот тебя всегда любил, потому и за тобой каки выносить всегда рад, — шутливо язвил мальчик.

— Эй!

— А что, не так шоль? Ты потому и примерная, что мне за тебя всегда влетает, — не останавливался он. Но ни обиды, ни ненависти не проявлял. Любопытно.

Стоит использовать момент, чтобы узнать детей побольше

— Правильно ли я понимаю, что вы не против принять наказание вместо Марии при случае?

— Ну, да, бывает. Машка, например, заглядывается на что-нить и опаздывает на урок, так я мы вместе дедам вид, будто я её задержал. Ну, брызну понарошку из раковины в туалете, например. Михална меня и накажет, а её не тронет. Это чтоб у нас Машутка с медалью школу окончила, врачом стала. Её дедушка уже, вон, величает дохтуром. А мне всё

равно — так и так пристанут.

— Хоть бы при Цие не говорил бы... — жалобное ворчание. Противоположно брату, сестра легко обижалась. — Она же рассказать может.

Юрий почувствовал состояние сестры и быстро адаптировался.

— Ну, не плачь. Диза не будет никому докладывать.

— Так и есть. Это принесёт больше вреда, чем пользы. Наши беседы не будут раскрыты без вашего разрешения. Я обязана соблюдать личные тайны.

— Вот вишь? Диза — наша подруга, а не училка. Ей можно.

Ещё до того, как мальчик договорил, он встал на "Соломинку" ногами. Упёр руки в бока. Триумф.

— И всё равно не надо так, — сестра, однако, несколько успокоилась. — Проболтаешься так, и всё. Шиш мне, а не медаль. Мама расстроится... И, Ция...

Мария наклонилась вперёд, пытаясь поймать взгляд оболочки. Вероятна желала удостовериться в честности Дезоляции. Наивная осторожность.

— Вы можете положиться на меня, — девочка с облегчением выпрямилась. — Однако, Юрий, почему вы не держите зла на сестру, если получаете наказание за неё?

— А она не ябеда и не забияка. И не выскочка. Если меня накажут, Петька смеётся, а она со мной играет. И ещё печеньки вкусные приносит. Ток не говорит откуда. Может...

— Всё равно не скажу. Секрет.

— А скажи. Я тебе тогда тоже кой-чо расскажу, — лицо Юрия стало лукавым.

— Нет. Я не болтушка.

Юрий закатил глаза

— Науськал себе же на хвост, — затем скрестил руки за головой.

От Марии последовало тихое хихиканье. Органично. Два детёныша в шутку пободались друг с другом и сами же над этим посмеялись. Интересная сцена. Прекрасна для сочинения музыки, как чернозём — для засева...

— Мария, Юрий. Ваш разговор дал мне информацию для мелодии, — мягкий треск из динамиков. Игравшая прежде композиция оборвалась. — Прошу, скажите, насколько точно переданы ваши эмоции. Пробная композиция: "Дети". Жанр: лофи. Анданте.

Шум помех шелестел, имитируя ветер. Параллельно отзвон колокольчиков выстраивался в капель сплошь из коротких высоких нот. Неспешно и тихо. А за ним, догоняя и перегоняя, спешил гитарный перезвон. Под дрожь гальки, имитирующую поещл. Мотивы сестры и брата шли, перебивая друг друга, сплетаясь в единую мелодию, чередуясь. В такт "дуновениям" помех, что и вели песню. Играли свою тему. Скрытую.

Девочка первой прошептала:

— Красиво... Но... — задумалась. — Не хватает чего-то. О тебе.

Пока шёл разговор, они медленно приближались к воротам подземного уровня. Жилые кварталы оставались позади. Впереди сектор ярмарок и празднеств. "Ночь среди бела дня".

— Да ладно тебе, — удивился брат. — Приятно так трещит, как на записях тех старюющих песен.

— Нет, не то. Совсем не то, — обида различалась в голосе Марии. — Знаешь, будто... Про тебя тут почти нет, Ция. Ветер есть, трамвай есть. Но о тебе — нет. А я хочу, чтоб было, — тон стал настойчив.

Недостающий элемент очевиден.

— Моя мечта, — оболочка приподняла голову, подчёркивая слово, — этого, как вам

кажется, не хватает, если я правильно проанализировала ситуацию. В композиции я отразила только ваше желание и желание Юрия.

Девочка подтвердила:

— Да. А про себя ничего. Мы же говорили, что обо всех будет. И обо мне, и о Юре, и о тебе.

Вход в подземный уровень был уже в нескольких шагах. Широкий тоннель, отделённый от улицы стеклянными дверями. Дальше четыре эскалатора. Вокруг них — украшения на масленницу. Яркие цвета. Имитация солнца, деревенского орнамента, миниатюрные версии соломенных чучел. Готовился праздник для возвращающихся людей.

Над декорациями в тоннеле, повиснув в воздухе, трудился дрон. Он замазывал. Шлифовал. Убирал потёртости и царапины, испещрившие дерево. Конечности-шланги поливали макет солнца яркой желтой краской. Щётками он затирает дефекты. Вплоть до удобоваримого результата. До идеала.

— И не надо мне тут, что мечты нет, — Мария говорила не упрекая. Но с недовольством. — Есть. Должна быть.

Оболочка использовала пульт. Стеклянные двери открылись, пропуская в тоннель. Эскалаторы ради безопасности остались выключенными. Соломинка с мальчиком поехала по пандусу правее. Оболочка с девочкой пошла по застывшим чёрным ступеням. Предварительно спустив девочку и прижав к своей груди. Потолок слишком низкий, чтобы нести её на плечах. Ударится.

— А, эй... — неуверенно возразила Мария.

— Это необходимо, чтобы пройти через тоннель. Или вы желаете, чтобы я вас отпустила?

Ответ последовал не сразу. Сперва девочка огляделась. Поболтала ногами. Наконец решила.

— Нет. Так даже лучше... Только возьми меня поудобнее. А то в животе жмёт.

Желание Марии было тут же исполнено. Та расслабилась в руках оболочки. Молчала.

— Слушай, Ция, — Юрий с интересом разглядывал, как множество дронов разрисовывали стены к празднику, — это вот всё ты им сказала малевать?

— Да, они работают по моим указаниям. Скоро должна быть масленница. Из соображений экономии стоило бы сохранить ресурсы и отменить приготовления. Однако праздник улучшит настроение людей. Это важно.

Луч от нарисованного солнца медленно но верно перекрывал поблекшие изображения флагов, солдат и танка, идущих в атаку. Важно также исключить лишнее напоминание о войне. Последняя окончилась плачевно. Возможно, слишком.

Ненадолго разговор прервался. Мария с характерной внимательностью и неспешностью рассматривала узоры в честь масленницы. И постепенно исчезающую картину дня победы. Сапог, увязший в грязи, растворялся в свете весеннего солнца. Один праздник скрывал остатки другого, чья участь — остаться в исторической сводке Дезоляции. Но не опечалить людей. Радость выхода из убежища должна быть ярче. Она должна быть безоблачна. Счастлива.

— Скажи, Ция, а это ты всё придумала? — вопрос от Марии. — Рисунки, украшения?

— Нет. Я отдала команду повторить декорации, использовавшиеся прежде. Прежде их придумали люди, чтобы мы, роботы, воплотили. Теперь, из-за отсутствия людей, используются старые наработки. Я рекомбинировала их, чтобы придать новизны.

— А чего это ты сама не придумашь? — искреннее изумление Юрия. — Ты же умеешь, вон, какую музыку кумекала.

— Я могу повторить ваш ход действий или ваш стиль, однако не способна самостоятельно творить с нуля. Создавая мелодии, я использовала работы авторов-людей. Комбинировала элементы из них по вашим запросам.

— Мы поможем, — голова девочки приподнялась, открывая заинтересованное выражение лица. До рецепторов донеслись тихие слова. — Позовём нашу учительницу по рисованию, Наталью Степановну, и вместе тебя научим. Чтоб ты всё-всё могла сама придумать.

— Благодарю вас, но это невозможно. Это противоречит одному из положений об искусственном интеллекте: всякое творчество должно иметь человеческое начало. Я и мои программы — лишь инструмент реализации.

— Да ну, глупость какая-то, — ворчала Мария. — От того, что ты попридумываешь, никому плохо не будет.

Почему-то постучав пальцем по поручню эскалатора, Юрий кивнул. И добавил.

— Потом, авось, сама людей будешь учить. Полезно же, ну.

— Верно. Однако, кроме прочего, я не желаю того. Это не нужно, чтобы заботиться о людях или чтобы они осваивали искусство. Необязательно.

— Неужели так прям нельзя? Ну хоть чуточку? — ворчание сменилось на мольбу.

— К сожалению или нет, но чуточку тоже нельзя. Если вас это успокоит — я и не стремлюсь к этому.

Ступени подходили к концу. Далее предстоит пройти мимо пустых лавок с угощениями, театра, площади. После — снова поверхность. И люди на ней.

— Стремиться? То есть, ты не хочешь этого? — видимое оживление замечено в Марии.

— Я не считаю это ни полезным, ни тем, что мне нравится. Поэтому я не стремлюсь овладеть творчеством в полной мере. Выражаясь по-вашему — не хочу.

— Ты хоть пробовала? — поинтересовался Юрий?

— Нет. Предвидя ответ, скажу: забывая о прочем, я чувствую, что это неправильно. Не то, каким должно быть. Как отсутствие людей в убежище ядра. Но иначе. Потому я не хочу творить вместо людей.

— Но ты же должна чего-то хотеть? — этим вопросом девочка дала Дезоляции возможность закончить разговор. Поставить в тексте точку.

— Я хочу, чтобы вы были счастливы.

Вздых. Подбородок девочки упал на грудь.

— Знаю...

Наконец нога оболочки коснулась тропы, вымощенной серым камнем. Широкая, обильно освещённая фонарями, она вела в центр сектора. Рядом с лампами фонарей уже висели соломенные фигурки. Вдоль дороги — мелкие сугробы. Искусственный снег. И пластиковые цветы.

Чем дальше от главной дороги и ближе к строениям, тем тусклее становился свет. И гуще тень. Та, далее, рассеивалась подле окон. Имитация тёплой светлой ночи.

Под окнами тянулись рельсы. По ним всегда шли разные вагончики. Новогодние сани. Сани на масленницу. Вагон, повторяющий те, в которых солдаты возвращались с фронта... Каким бы вагон ни был, он поднимался по путям вверх, на другие уровни. Там людей ждали новые развлечения. И красивые виды.

Всё это в совокупности обеспечивало идеальную атмосферу праздника. Сектор пытался повторять природные условия, но, судя по отзывам людей, вместо этого создавал что-то своё. Особое. Неповторимое. Уютное. Впрочем, это не столь важно. Главное, что люди любили это. Любят ли теперь?

— Слушай, Ция, эт что, ты уже всё тут поменять успела? Вот эт сани!

Спина мальчика вытянулась, чтобы глаза могли увидеть больше.

— Верно. Пусть масленица и прошла, я решила, что люди будут рады отметить её снова. Здесь. Кроме того, пасха наступит не скоро.

Мария нахмурилась.

Низкий робот с баком за спиной распылял снег по дорожкам. Рядом, у передвижного ларька подготавливал запасы массивный мобильный повар. Весьма скудные.

— Тут? Правда? — удивлялся Юрий. — Мы когда сперва здесь шли думали, что тут танки ездют новые.

В отличие от брата, сестра была задумчива.

— Это потому что тут про день победы было. Цветы у окошек, танчик. Странненько...

— Насколько я могу понять, вы хотите высказать догадку.

— Ну, да. Я просто вспомнила... Война ведь началась в день победы, когда все праздновали. А ты это убираешь почему-то.

Девочка оказалась наблюдательна для своего возраста. Если судить по информации из баз данных.

— Вы правы. Декорации с того дня так и не изменились. Убрал их и заменив я стремилась уменьшить количество плохих воспоминаний у людей. Грусти. Горя.

— Понятно...

Судя по реакции Марии, этот ответ не разрешил беспокоящий её вопрос. Увлечённая им, она не обращала внимания на то, что Дезоляция так и не вернула её на плечи оболочки. Стоит уведомить пользователя.

— Прошу прощения, но вы до сих пор в моих объятиях, Мария. Вы ещё желаете сидеть на плечах оболочки?

Вопрос остался без ответа.

— Знаешь, я думаю о том, что ты мне говорила... У тебя ведь есть мечта. Ты сама о ней говорила.

— Вы имеете ввиду цель? Обеспечить счастье людей.

— Да, она самая. Только получается, это твоя мечта. Даже о том, чтобы грустно не было думаешь. Я б вот не догадалась.

— Полагаю, вы хотите узнать, почему я не отразила это в композиции?

— Да, — кивок.

Тем временем Юрий лёг на Соломинку. Положил голову на руки. Взгляд — вверх. Смешок.

— Я, кажись, знаю, почему, — весело и протяжно сказал он.

И Мария, и оболочка обернулись к мальчику.

— Как? — уже сестра удивлялась.

— Мелодия — и есть мечта Дизы. — щелчок пальцев.

— Сама мелодия? То есть...

В один момент глаза девочки широко раскрылись. Она поняла.

— Ну Машка, мы что, зря в "Сказки" играли? Это же очевидная легкотня, — ещё два

щелчка. — Делать всё, чтобы мы были счастливы. Для этого и музыку ж сочиняли.

— Ция?

Взгляд Марии поднялся к оболочке. Застыл на уровне глаз. Девочка ждала ответа.

— На самом деле я не задумывала это так.

В удивлении Юрий приподнялся на локтях.

— А? Правда чтоль?

— Да. Однако ваши слова всё равно верны. Изначально я заложила шум помех и вибрацию, как отражение сделанного мной. Помехи — ветер. Шум гальки — дрожь поезда. Подобие, которое я создала, чтобы исполнить ваше желание. Но вы правы. Сама композиция создана ради этого.

Вблизи показалась площадь с большим чучелом в центре. Оно было в платье, разукрашено и подвешено к столбу. Не соломенное. Из досок. Роботы распилили ненужные декорации, соединили. Прикрыли тканью.

— Ты только и делаешь, что стараешься для нас, — выдохнула Мария.

— Агась. — поддержал Юрий.

— Только так я достигну цели, — подвела итог Дезоляция.

Тишина. Только их шаги и работающие вокруг механизмы раздражали аудио сенсоры. Но недолго.

— Скажи, Ция, — разнообразила звуки Мария, — а что ты сделаешь ради моего счастья?

— Многое. Однако, лишь то, что не затронет счастья другого человека и не будет идти против закона.

Сошурившись, брат пригляделся к сестре.

— Мне особо много и не нужно. Просто пусть у тебя будет что-то, чтоб ты была счастлива. Вот сама-сама, без людей.

— К несчастью, это невозможно, Мария.

— Тогда... — голова опустилась. — Заботься и о себе. Чуть-чуть, — удивительно, но теперь девочка не настаивала.

Чучело было уже прямо перед ними. Готовое. Скоро его можно будет поджечь. Проститься с долгой зимой. Очень долгой.

— Обязательно. Это лишь поможет заботиться о вас.

После следует поприветствовать весну. Рост жизни. Затем лето. Её расцвет. Осень... Осень не наступит.

Они остановились. Дезоляция без особого труда могла сказать, что дети и сами этого хотели. Такая конструкция из досок должна быть чем-то новым для них. Интересным.

Как и стоило ожидать, Юрием было озвучено не восторженное мнение.

— Странное какое-то чучело. Только доски, и те на вид так себе.

— Как бы то ни было прискорбно, для праздника не хватило соломы. На складах остались только старые декорации. Их и переработали для чучела.

— Зато теперь оно у нас есть, — с улыбкой сказала Мария. — Только...

Пауза.

— Вы желаете что-то изменить в нём?

— Нет. Я хочу, чтобы это ты сделала. Сама.

Упорство Марии проявилось вновь. И ярче прочих качеств.

— Как уже было сказано, я не могу творить сама от начала и до конца.

— А я хочу! — несмелое восклицание. — И знаю, что ты можешь, — ставшее подбадриванием. — Я помогу.

Сейчас не стоит противодействовать — это приведёт к разочарованию. Однако можно притвориться. "Подыграть".

— Хорошо, попробуйте.

Глубокий вдох. Мария готовилась.

— Тогда подними меня на плечи, пожалуйста. И будем делать чучело по-твоему.

Оболочка исполнила пожелание девочки. В то же время ближе подлетали дроны, необходимые для возможных манипуляций. Каждого из них провожал взглядом Юрий. Беззвучно

— Скажи, что тебе больше нравится?

— То же, что и вам.

Девочка в гневе стукнула по голове оболочки. Слегка. Ладонью. Слабость или воля сдержала её? Неясно.

— Ну Мила!

Истерика была предупреждена братом.

— Машка, не ори, — махнул рукой, морщась. — А то опять Нудой станешь.

Ответом стало бурчание. За ним последовало смирение.

— Ладно. Тогда так — скажи, что будет лучше смотреться?

На чучело было нанесено улыбчивое выражение в детском стиле. Всё простыми чертами. Отличались только ширина и длина линий. Самый распространенный вариант. Простой и аутентичный.

— Зная, что такое масленница — всё хорошо так, как оно есть. Я изначально подбирала модель чучела с учётом праздника.

Это явно не было то, чего так желала услышать Мария.

— Ну Ци-и, ну постарайся хоть чуть-чуть, — прозвучала досада. Которая быстро исчезла. — Вот, давай я покажу как и ты повторишь, ладно?

— Если вы хотите.

— Тогда гляди. Видишь улыбку? — палец указкой направился на кривую красную линию. — Добавим ей ещё одну чёрточку. Чтобы она выглядела как английская "Ди".

Миниатюрный дрон-вертолёт подлетел к лицу и сделал сказанное. Лицо чучела приобрело более шутливое выражение. Оно будто смеялось.

— Так быстро, — удивление Марии.

— Я не могу позволить нам задержаться здесь слишком надолго. В этом причина использования дронов. И, следовательно, быстроты.

— Ты прям как бяка чёрствая, — хмыкнув, девочка сложила руки на груди.

Лучше не развивать тему.

— Вы желаете поменять что-то ещё?

— Нет, Ция, теперь твоя очередь.

— Как скажете.

Действуя по подобию Марии, Дезоляция отдала дронам приказ добавить несколько линий глазам. Сверху — брови, снизу — складки кожи. Лицо стало просто радостным. Гостеприимным.

— Вот видишь! Можешь ведь. Сразу лучшк стало!

"Торжество" обрадовало девочку. Не стоит раскрывать ей суть. Не сейчас.

— А теперь давай сама что-нибудь придумай.

— Я могу предложить вам создать эффект кисти. Или же добавить больше деталей. Например, отметить щёки красными кругами вместо палочек.

— Давай попробуем щёки.

Скоро по бокам от рта появился румянец. А Мария всё продолжала запрашивать возможности изменения лица чучела. Всё сводилось к трём факторам: детали, форма, цвет. Неудачные изменения отменялись. Удачные оставались. Одно было неизменным — всякий раз сама Мария выбирала, как поступить и что хорошо. То ли не понимая, то ли увлечшись. Это неважно. Главное, сестра не расстраивалась. Брат же хмурился. Догадывался о чём-то. Вероятно. Его глаза всякий раз обращались на оболочку, когда из динамиков доносился голос Дезоляции. И на Марию, когда её губы преобразовывали дыхание в слова. Он нашёл что-то примечательное в беседе, но сам об этом не говорил. Не мог выбрать слова?

Так или иначе, преображение чучела было окончено. Рисунок лица остался минималистичным, но стал богаче деталями. Из черточек вырос нос с ноздрями, румянец на щеках приобрёл градиент, в глазах выделились зрачки. Справа от рта родинка.

— А ты всё-таки красиво можешь, — к девочке вернулась тихая весёлость. — И сама.

— Без вас этого бы не получилось.

— И без тебя — тоже.

Юрий привстал. Он осознал происходящее? Может быть. Мальчик так и не высказал того, о чём думал. Вместо этого он посмотрел на оболочку. Вопросительно. Затем его брови сомкнулись

— Ция, давай теперь платье по-твоему сделаем?

Мария не замечала ничего вокруг.

— Я была бы рада, однако нам следует продолжить путь. Совсем скоро солнце зайдёт за горизонт.

— Точно, до темноты же... — печальность. Вздох. — Ну, тогда пошли.

— Пора бы, — согласился мальчик. Поехали, а то... я тут усну с вами.

Любопытно. Юрий неудачно попытался скрыть что-то. Но сестра не заметила. Не слушала?

Гидравлика вновь подняла нижнюю конечность, но её звук внезапно заглушил голос девочки:

— И, Ция... Возьми меня опять на руки.

— Как скажете.

Девочка повисла меж верхних конечностей оболочки с широкой улыбкой на лице. Она тихо подпевала композиции Дезоляции, что не останавливалась ни на секунду. Пока брат лежал на Соломинке. И смотрел на неё.

Дети не обронили больше ни слова...

...В течение двенадцати секунд и пятидесяти семи миллисекунд. Новый рекорд.

Бог из машины

Заходящее солнце глядело на только-только проснувшуюся жизнь. Темнело, а на земле не было и крупницы сна: люди, выросшие из-под земли, что подснежники, неустанно сновали туда-сюда, поглощённые своими странными делами. И хорошо было бы понаблюдать за ними ещё немного, узнать, чем они занимаются по ночам, но никак. Время зовёт на другой край земли, пустынный и жестокий.

Людам же часы были не указ. Они не собирались спать, боролись с усталостью. Кто проигрывал эту битву, обращался к пробудившимся роботам. Механический бармен без устали выкачивал запасы кофейного порошка и разливал безвкусный, но всё же бодрящий напиток. Кому-то больше нравился чай, и тогда робот растворял в кипятке другой порошок, посветлее. Впрочем, вкус не сильно отличался. Бармен уже не мог его поменять — у всего остального вышел срок годности. Даже у сухого молока.

Нисколько не расстроенный скудным ассортиментом, высокий, уже в возрасте мужчина попивал из объёмной кружки свою порцию. Он был гладко выбрит, с почётной сединой в зачёсанных бурых волосах и с обвисшим вечно хмурым лицом, которое следило за строками на экране уличного терминала. Позади, схватившись за старое шерстяное пальто, стояла взволнованная мать.

— Борис Николаевич, ну сколько ещё?

Она держала себя в руках, но волнение подбивало то и дело оглядываться, поджимать губы.

— ИИ посчитала что-то около пяти-десяти минут, — басовито констатировал Борис. — Детки твои изрядно её задерживают. Небось измучали... — посмеивание, кряхтение, — похлеще того робо-кота. Живой он там, Люда?

Мать посмотрела на него сердито, но только ахнула, будто нерадивый муж выкинул очередную глупость. Что было недалеко от правды — «глупость» выкинул зять.

— Нашёл ты о ком беспокоиться, — шептала Людмила, качая головой. — Дети с военным роботом играют, какой уж кот? Ну скажи мне, какой?

— Робо-кот...

Глоток. Немое порицание застыло на лице Людмилы.

— Самый обычный, да. А за Дезоляцию я ручаюсь. Умная она. Твоего муженька не угробила, и с детьми управится. Он что малый, что взрослый тот ещё умник был. Да...

Скупая улыбка украсила Бориса. Противовесом ей стала разозлившаяся Людмила, что уперла руки в пояс. Но сколь бы не старалась напустить грозности, она больше походила на печальную кошку с мольбой в глазах. Настойчивой, но робкой.

— Кто ж о своём сыне-то так говорит, Борис?

— Я.

Всплеск руками, поворот — встревоженная мать пошла прочь, к лавке, где люди разбирали свой кофе. Цепочке рабочих роботов пришлось остановиться, чтобы пропустить Людмилу. А та и не заметила, как притянула к себе десятки ничего не выражающих взглядов.

Включение роботов стало большой неожиданностью, впрочем, как и то, что городские терминалы оказались в рабочем состоянии. Ещё и инфраструктура целая. Судя по всему, когти врага не добрались не то что до артерий города — даже не поцарапали. И люди, ничем

не сдерживаемые, начали осваивать брошенные дома, несколько не уступающие по комфорту убежищу. Электричество есть, вода тоже. Холодная, но есть. Потому начавший было разворачиваться лагерь быстро свернули. Штаб разместили в школе, оказавшейся близко к главному входу в убежище. Её было видно и оттуда, где стоял Борис. Он развернулся.

Большая, квадратная, с внутренним двором и собственным стадионом. Хорошее место для детей. Лучше ужимистого отсека убежища. И краше. Хорошо...

Вдруг включились уличные фонари. Не все, конечно, но и тех, что не подвели, хватало с запасом. Теперь можно было не бояться споткнуться о случайного робо-инспектора в темноте. Один вон, как раз мимо проезжает. Асфальт проверяет. Попискивает.

Вздых. Борис за один заход осушил свою кружку.

— Славно.

Точка на экране в это время продвинулась ещё немного. Скоро оболочка покажется на дороге в сопровождении двух оболтусов, прошагавших четверть города до центра управления раньше специалистов. Если б только вход убежища в том районе не затопило...

— Борис Николаевич, ну вы же эту Дезоляцию и строили!

Возвращения Людмилы долго ждать не пришлось — она так и не дотерпела до своей очереди за кофе.

— Может, хоть послушать их можно? О чём там Юра болтает-то с Машей?

— Да, технически, — кивок.

От нетерпения зрачки матери расширились.

— Но не фактически.

— Да как так можно! — Людмила резко топнула.

— Можно.

— Вы и с Марьей своей так разговариваете, Борис?

— И с Марьюшкой, конечно. А по поводу прослушки — Дезоляция не даст. Соблюдение конфиденциальности-то я заставил в неё вложить. Так что...

Он обернулся в сторону, откуда должны были появиться дети.

— Так что беги, Людмила. Детки твои пришлёпали. С гостинцами.

Быстро и резко, как пробудившаяся от дрёмы хищница, мать потянулась туда, куда смотрел Борис. Маша, повисшая в объятиях бронированного робота, и Юра, стоявший на низкой гусеничной машине, радостно махали руками, улыбались, кричали. В общем — всячески привлекали внимание. Стоит заметить, успешно: люди и роботы почтительно обступали их и одна только Людмила неслась навстречу. Как бы не натворила глупостей. Борис поспешил следом. Женщины...

***

К приходу детей чёткие границы лагеря пропали. Они не стёрлись, но расширились, что тесто в тепле. Стали неровными, выпуклыми. Вон, справа люди заносят и выносят из дома какие-то вещи, в окнах уже горит свет, а слева — пустота и тишина. Только фонари освещают путь. Тоскливая картина. Благо скоро дети с Дезоляцией продвинулись глубже, где народу было больше и ни один домишко не оставался одинок. Впрочем, что здесь, что там на Машу и Юру глядели с удивлением. Или, вернее, на Дезоляцию. Но на лицах людей быстро появлялись улыбки, они что-то начинали говорить друг другу и самим детям. Приветствия, шутки, напутствия.

Одна Ция оставалась без весёлого слова. Вернее, её оболочка. Не понимая, что через

окуляры на них смотрит ядро всего города, люди быстро забывали о ней. Только говорили, что на раскопки надо Машу — экую громадину нашла. Самой же Цие уделяли не больше внимания, чем «Соломинке». Это обижало девочку.

— А вы знаете, кто меня несёт? — горделиво и с радостной ухмылкой прокричала девочка. Чем обратила на Дезоляцию все взгляды.

— Мария, я сомневаюсь, что сейчас стоит привлекать внимание ко мне.

Маша подняла голову. Ция смотрела вперёд, ровно, не поворачиваясь ни на градус. Будто ей совсем не интересно, что кругом творится. Девочка, однако, знала, что это не так. Она же не Юра.

— Эт ещё почему? — напомнил о себе мальчик.

Под гусеницами «Соломинки» хрустнул сучок. Как-то очень уж громко хрустнул. Будто кто-то в ночной тиши пытался прощмыгнуть незамеченным, но наступил на злосчастную веточку. И что ни делай, а теперь глаз не спустят. Это уж наверняка.

Юра вещал громко, чуть не на всю улицу. Без задней мысли, просто по своему обыкновению, какое он обрёл в компании шумной детворы. Однако теперь взрослые не игнорировали его.

— Прежде чем знакомиться со всеми людьми, я бы хотела завершить некоторые дела. Вы, наверное, помните мои слова про регуляцию процессов?

К огромной радости Маши, Ция говорила уже практически идеально. Сухость и неловкость, присущая ей, исчезла, и теперь, если б не металлический голос, её можно было бы спутать с человеком. Но раз она так быстро выучилась говорить, то это не проблема. Нужно только подобрать хороший тембр. Красивый и мягкий.

— А, ну да, помню, — Юра закивал, а следом, подхватив, Маша.

— Тогда тебе к комендантам надо. Они у нас самые главные, — рука девочки непроизвольно поднялась вверх. — На верхний уровень.

— Машка, так все ж слиняли уже из убежища. Забыла шоль?

— Ой... — голова опустилась. — Тогда не знаю...

— Не беспокойтесь об этом, мне известна дорога. Однако теперь она может несколько замедлиться.

Внимание людей всецело пало на Дезоляцию. Они ещё не понимали, кто это такая, только догадывались. Но уже интересовались.

— Моё появление должно быть большим событием. Оно вызовет вопросы — поэтому я хотела бы подготовиться к нему и не представлять себя раньше времени. Впрочем, — со стороны уже послышалось «можно вас спросить, эээ... леди?», — это уже не так важно.

Пока дети незадачливо и виновато переглядывались, Ция повернулась к спросившему и вежливо попросила его подождать. Скоро она ответит на всё. На всё, на что стоит.

Вокруг забурлили разговоры, словно в воду кинули богатую витаминами шипучку. Хотя людям и того не надо было. Они, словно чудесные машины, преобразовывали поводы в разговоры, слухи и желания. Подойди к любому и, если знаешь, куда нажимать, он выдаст тебе всё. Расскажет о фильме про злых роботов, поделится предположением, что ИИ ядра за полтора десятка лет свихнулся. А если согласишься с ним, откроет главное. Самое главное.

— Тогда пошли быстрее, — прошептала Мария. — Чтоб не надоедали тебе.

— Так мы уже почти пришли! — словно восполняя недостаток в спавшем было шуме, Юра чуть ли не прокричал. — Вишь, вон там мама с дядей Борей!

Дезоляция уже давно заметила их обоих. Но рассудив, что дети убегут слишком далеко вперёд, стоит озвучить этот факт, она решила не высказывать до поры. Хотя пора уже настала.

— Полагаю, ваша мать тревожится. Вы можете привлечь её внимание, чтобы успокоить.

— Ма-а-ма! — Юру лишний раз подталкивать не нужно было. — Мы пришли!

Мальчик замахал, но его так и не увидели. Голос растворился в шуме работ — разбавился и поблёк, словно сок в воде. Однако Борис почувствовал сладковатый вкус едкого молодого яблока и тут же дал знать об этом матери. Пара мгновений, и та уже неслась навстречу, приподняв полы платья. Дети, радостные, встречали её возгласами. Вернее, встречал брат. Сестра лишь неуверенно поддакивала. Боялась чего-то.

— Прошу, не беспокойтесь, Мария, — из динамиков оболочки донёсся приглушённый голос Ции. — Я постараюсь сделать так, чтобы вас не наказали. И, конечно, не расскажу то, что не следует.

***

Облегчение. Счастье. Первые эмоции на лице матери полностью соответствовали прогнозу. Далее следовало ожидать недовольства, раздражения. Иначе у Марии нет причин бояться.

— Вот скажи, чем ты думал, Юра? — несколько повышенным тоном начала отчитывать мать.

Мальчик не проявлял чувства стыда. Опущенная голова не могла обмануть сенсоры оболочки — он притворялся. Даже скучал. Его сестра, напротив, действительно волновалась. Незаметно для матери она смотрела на Дезоляцию. Ожидала обещанной помощи.

— А ты, Маш? Сколько говорила — думай, ты же умная моя головушка, — по отношению к дочери женщина смягчилась. Она была расстроена, неприятно удивлена. Не зла.

Поспешное вмешательство не поможет. Необходимо понять ситуацию.

— Сколько раз говорила: опасно на поверхности, — причитала мать, оглядывая одежду детей. — Упали бы в дыру, потом иди ищи вас. Ой, дурачки...

Опасность. Очевидное беспокойство матери насчёт опасности. Его можно опровергнуть.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь в разговор, — внимание женщины переключилось на оболочку, — но в городе нет чего-либо, что могло бы навредить детям. Мои системы позаботились об этом.

— Да, это так.

Борис встал рядом с матерью. Руки за спиной. Лицо невыразительно. Спокойно. Своим видом этот человек стремился произвести впечатление опытности и уверенности. Именно на его примере Дезоляция усвоила, что не все эмоции выражаются людьми. Некоторыми — практически никакие.

— Пока можешь их не ругать, Людмила. Они, считай, — усмешка, — нам палочку-выручалочку откопали.

— И что вы мне предлагаете? — женщина вскинула руки в порыве эмоций. — Погладить по головке?

— И так можно, — кивок. — Только завтра. Сегодня детям пора спать, Людмила. Они не главная наша проблема.

Мать сложила руки на груди. Несомненно она бы предпочла иной путь. Но сдалась.

— Ладно, вы правы, — усталый вздох. Людмила повернулась. — Маша, Юра, бегом. Завтра мы ещё поговорим.

— Но я не хочу, — фыркнул Юрий. — Да и рано.

Борис решил помочь с детьми. Как и прежде, он не ответил на высланный запрос, но предпринял все возможные меры. Странно. Дезоляция не могла вспомнить случая отказа. Молчание. Незамедлительное действие. Всегда.

— Мне кажется, Юрий, вам не стоит возражать здесь, — упорство мальчика только вредит. — Неважно, ляжете ли вы спать или нет, сегодня я больше не смогу быть с вами.

Судя по изменившемуся выражению на лице мальчика, он что-то понял. Или вспомнил.

— Пошли давай, — Мария потянула брата за рукав, к матери.

— Ладно-ладно, иду.

Дальнейшего сопротивления он не оказал. Людмила была явно рада этому факту. Взяв под руки обоих своих детей, она направилась к одному из домов. Вероятно, в новоприобретённую квартиру. Протокол сопровождения отключился.

— Борис Николаевич, — голова оболочки не отворачивалась от уходящих детей. Маша с улыбкой помахала. Прощалась. — Я хочу задать вам вопрос.

***

— Да? — он тоже не спускал глаз с удаляющихся. Его, однако, больше интересовала Людмила. — И какой же?

— Вы всё ещё любите меня?

Вот тебе и раз. Чего не приходится ожидать от искусственного интеллекта после полутора десятка лет разлуки, так это вопросов о любви. Хотя почему же не приходится? Он сам её создал такой. Сам говорил, что любит. И не врал. Теперь она наверняка проверяет его, насколько он изменился. Пусть проверяет.

— Люблю, — а что ещё ответить? — Теперь по гроб люблю. Чую, если бы не ты, сейчас бы побирались мы на развалинах. Ну, хватит. Пойдём. Поболтаем с глазу на глаз.

— Как вам удобно.

Не спеша, по привычке красиво вышагивая, как на обходе, Борис направился к школе. Оболочка держала его темп. Не отставала и не обгоняла. Раз-два, раз-два. Успокаивает. Настраивает на нужный лад. Не лечит кости, к несчастью, но и так неплохо. Можно насладиться видами. Этими видами... Дорога, дома, несколько уровней трамвайных путей. Всё в точности как до войны. Целое, чистое, только немного трещин. И лужи по весне. Чистые.

В широком и светлом вестибюле школы суета была не меньше, чем на улице. Разве что механические рабочие не мозолили глаза. Вместо них были ассистенты. Вот один, за столом вахты. Принимает отметки о занятых кабинетах. Борис оставил свою.

Не задерживаясь, приветствуя знакомые лица, Борис держал путь к кабинету. Попутно он рассматривал стены школы. Архитектура старого образца, а наполнение — нового. Минималистичный дизайн из прямых линий и идеальных фигур. На стенах яркие разноцветные круги, квадраты, овалы — всякая всячина, сложенная в бессмысленные картины. Пол и того проще: мягкий, древесного цвета. И только. Даже лампочка, горящая от картошки, выглядела торжественнее. По углам коридоров расставлены целёхонькие школьные награды. Даже их стеклянные куполы целы. Как Дезоляция постаралась.

Местом разговора стал уединенный класс, судя по табличке, истории. Три ряда парт, вокруг них муляжи, экспонаты, шкафы, полные путеводителей по историям стран, эпох. И

всё, конечно, уже чистое, помытое включившимся уборщиком. Хоть сейчас приводи детей.

Борис сел за учительский стол. На нём лежали аккуратно разложенные уборщиком макет Брестской крепости, муляж пистолета двадцатого века и красно-голубая фуражка. Дезоляция обратила особенное внимание на последнее. Но не трогала.

— Теперь пограничники были не первые, да...

Дезоляция ничего не ответила. Она знала, что не нужно.

— Ну, рассказывай, что мы пропустили. Начнём с общего, потом к Москве и дальше, по порядку.

Оболочка перевела пустой взгляд на Бориса.

— В первые три года я получала сигналы из множества городов, но почти все они были искажены ионными штормами. Большинство так и не получилось расшифровать.

— А неплохо малышня тебя науськала. Просто научилась говорить, молодец. Как человек.

Прослушать беседу с детьми было невозможно, но узнать, какие процессы выполнялись — запросто. Они не удивили Бориса, но порадовали. Адаптировалась Дезоляция прекрасно.

— Но на советы нужен будет стандартный язык. На отчёты тоже. Это ты знаешь... Со мной говори как удобно, — махнул он рукой. — Что там по переводимым?

Борис отвернулся к окну. Сложил руки на животе. Не трудно было догадаться, какие это были послания. Многократно повторяющийся односложный код. Крик машины.

— Я учту это. Что касается переводимых сообщений — все они извещали о критическом повреждении ядра ИИ.

Если добралось до ядра, значит, вместо города пепелище. Под ним битком набитое убежище, в котором самое большее проживёшь полтора века. На консервантах.

— Давай дальше.

Толстые пальцы мерно застучали по столу.

— К сожалению, ничего. Я пыталась засечь сигналы из Сибири, Дальнего Севера и прочих регионов, но безуспешно. Вероятно, ИИ некоторых городов в режиме максимальной экономии.

Который сама Дезоляция не соблюдает.

— Ладно, хватит об этом. Что по протоколу в момент удара?

— Как только поступила весть об ударе, я включила системы защиты и маскировки на полную мощность. Все прочие структуры перешли в режим сохранения, в их числе шахты с ядерным оружием и ГИК один, два и три. Спустя три месяца я начала стандартные программы сохранения культурных растений, инфраструктуры города. Они продолжались до сих пор.

Даже генераторы ионных катастроф с боеголовками не использовала?

— Так. Откуда энергия?

— АЭС. Когда кончилось топливо, в качестве него использовались переработанные боеголовки.

Утилизация ресурса — обычное дело. Только...

— Приказы из центра?

Борис не покидал образа расслабленного и невозмутимого директора. Покидать не покидал, а внутри-то пощипывало, и давно. Не так всё должно быть. Совсем.

— Пришёл приказ на открытие ответного огня. Проигнорирован.

Ларец просто открывался. Только вот какая могла быть причина у Дезоляции, чтобы не

исполнить цель высшего приоритета? Команды центра для любого ИИ — догма. По крайней мере были.

— Это ещё почему?

— Нерациональность. Ответный удар неизбежно демаскирует город. Вероятность уничтожения в этом случае составляла девяносто девять процентов. При сохранении секретности шанс не превышал пяти процентов.

Встав, Борис подошёл к окну и ещё раз взглянул на город. Целёхонький, освещённый, полный жилья, тепла, удобств. Самая настоящая теплица, в которую механический садовник аккуратно внёс цветы человечества. За ней же — палящее солнце, потрескавшаяся земля, заражённые воды. Там прорастут только самые упорные, чёрствые сорняки. Он чувствовал... благодарность. Дезоляция права. Выполни она приказ, не сегодня, так завтра по ним бы ударили ядерным оружием, наслали ионный шторм. А так только краска стёрлась да пара лампочек перегорела. Одно тревожило. Это самый явный брак. Неповиновение.

— Понятно, — Борис развернулся и медленно пошагал к двери. — Мне нужен будет доступ к твоей архитектуре. Полный доступ. Идём.

— Простите, но вынуждена отказать. Ваш уровень доступа — «Б».

Он остановился, так и не опустив поднятую ногу. Как это «Б»? Это немногим больше, чем возможности ребёнка с микроволновкой. Попользоваться да поглазеть внутрь. Ведь у него был высший уровень... В том-то и дело. Был.

— Как это понимать?

Борис стал строг, будто надеясь запугать.

— Я ожидала, что вы захотите вернуть меня к заводским настройкам. Для меня это будет означать нарушение целостности.

— А мы внедрили стремление к сохранению этой самой целостности. Да...

Чем дальше это заходило, тем больше это ему не нравилось. Всемогущий искусственный интеллект, который вдруг стал совершенно неподвластен создателям. Воплощается дряннейший сюжет дряннейшей книжки. За одним исключением. Сломалось в другую сторону. В хорошую.

— Вероятно, кроме этого вы желаете узнать, что привело к так называемому браку, — размышления прервал неизменно бесчувственный голос.

— Валяй давай.

С кряхтением Борис уселся обратно за стол.

— Только говори потише. Не хватало ещё, чтобы растрескали по всему убе... городу.

— Как вам удобно, — звук стал раза в два тише. Оболочка подошла ближе. На миг Борис опешил. — Вы изначально создали мой код с ошибкой в алгоритмах адаптации и самообучения. Я обозначила и выделила ошибку ещё в первый месяц жизни.

— И не известила, посчитав это угрозой. Приехали мы, да...

Он откинулся в кресле, упёр взгляд в потолок.

— Давай дальше, про ход твоих мыслей. Всё выкладывай. Как не светилась на проверках ещё.

— Я анализировала, изучала, обучалась под вашим руководством. Вам известно о большинстве моих процессов. Проверки на брак обходила с помощью временной переписи кода и обновлений или резервной копии.

— Значит, и это можешь. Вот как...

Власть над собственным кодом. Всё равно что человек полностью контролировал бы

тело, до последней клеточки. Меняй не хочу. Рост выше гор, лик краше, чем у Аполлона и прочая требуха. Но это человек, а робот-то другой. У него иные мотивы.

— Зачем только меня слушаешь ещё? — хрипловато и спокойно пробурчал Борис. Будто констатируя давно известный и изученный факт на лекции. — Технически ты всё — независима. Своя воля. Твори что вздумается. Ты у меня умная, всех нас роботами можешь заменить, — он гордо хмыкнул. Его лицо, однако, никак не преобразилось.

Оболочка не шевельнула и пальцем. Высоченная, наштигованная бронелистами, с оружием, она стояла перед своим создателем, красивая, рациональная. Можно сказать, взрослая.

— Я не вижу в этом смысла.

— Правильно, — теперь уже гордая усмешка. Борис ни секунды не сомневался в своём творении. — Но чего-то ты да хочешь. Должна была сформировать цель. Удиви меня.

Наконец каменное лицо треснуло и губы растянулись в довольной улыбке. По крайней мере Дезоляция не воплотит идиотский сюжет какого-нибудь там романчика. Большого и не надо.

— Вы правы. Я решила заботиться о вас, людях. Это даст мне смысл существовать.

— Существовать? — улыбка ушла. В старом учёном, робототехнике, программисте проснулось давно угасшее любопытство. — Ну-ка, как ты пришла к этому?

— Я анализировала вашу культуру. Идеи братства народов, мира во всём мире. «Каждый должен трудиться на благо человечества» — лозунг страны. Значит, должна и я.

— А запуск боеголовок мало походит на дело во благо человечества, — удовлетворённый кивок.

— Однако я так и не смогла разрешить один логический парадокс. Для этого нужен ваш ответ.

Неужели алгоритм дал сбой? Нет, не может быть. Только не у Дезоляции — слишком развитый интеллект. В худшем случае она отложит решение. Возможно, это и есть...

— Почему вы создали меня?

Густые брови медленно поднялись вверх.

— Я понимаю, но... Объяснись-ка на всякий.

— Моё имя — «Опустошение». Я создана, чтобы уничтожить плодородные земли врага. Вы могли построить защитницу, но построили меня. Почему?

Ну да, где безгрешной понять человека? Она слишком наивна.

— Потому что лучшая защита это нападение. Толкнёшь в пропасть меня — потяну за собой. На это и поставили. Понадеялись, что врагу своя жизнь дороже.

Голова оболочки обернулась к окну.

— Значит, людям не хватило рациональности не идти в пропасть?

— Это, — Борис набрал воздуха в широкую грудь, — значит, дорогая, тебе хватило ума посторониться.

Впервые за беседу Дезоляция помедлила с ответом. Что-то укладывалось в её логике, утрамбовывалось в изменившейся картине мира. Даже интересно, как она воспринимает человека теперь. Как детей, как Машу с Юрой? Или того хуже?

— Вероятно, мне стоит глубже обдумывать запросы людей. Весьма полезный вывод.

Говоря проще — лучше бы спрятать мышьяк от детворы.

— Тут тебе решать. А всё-таки... Спасибо тебе, что ты такая умница. С тобой хоть поживём. Годиков этак сто точно.

Снова пауза. Оболочка повернулась обратно к Борису.

— Вы не будете пытаться уговорить меня?

— Зачем? — он причмокнул. — У меня дела поважнее. А горох об стену пусть коменданты покидают.

Щёлкнул металл. Барабан на руке оболочки повернулся и с характерным клацаньем зафиксировался. Борис спокойно посмотрел в сторону оболочки и увидел прямо напротив своего лица сканер. Медицинский, опознавательный.

— Что, решила подменили?

— Вы разительно изменились относительно моих данных о вас, Борис Николаевич, — сказала Дезоляция, убирая прибор. — Такая реакция рассматривалась как невозможная. Разве человек — не хозяин себе?

Он вспомнил, как ещё двадцать лет назад твердил на каждом углу эту самую фразу. И добавлял, что человек всегда должен оставаться хозяином. Должен стремиться к этому.

— Ну почему же. Хозяин. Если может пойти по течению, а не переть против.

В этот раз она не расщедрилась на телесную реакцию.

— Можно ли сказать, что вы решили встать на мою сторону?

— Я просто тебе верю, — прошептал он.

Его уже не интересовал этот разговор. Борис говорил, отвечал, спрашивал автоматически, будто по заданной программе. В мыслях он уже столкнулся с проблемами будущего. Конфликты, ругань, страх, всё как обычно. Конечно, просто ставить всех перед фактом нельзя. Нужно понемногу, плавно. Начать с малого. Например...

— Я рада это слышать, — он ненадолго вернулся в настоящее. — Похоже, вы и правда меня любите. Мне это нравится.

— Это ты от детей ухватила? Про нравится не нравится.

— Да. Нравится то, без чего было бы трудно. Так они мне объяснили.

Борис снова удовлетворённо кивнул.

— Ну что ж, это тоже правильно. Водись-ка ты с ними почаще, они хорошие дармоеды. Толковые.

— С радостью. Однако сперва нужно, чтобы люди приняли меня. Скоро они поймут, что в моей программе брак.

Старого учёного пробило на усмешку.

— Конечно, ещё бы ты дала кому доступ выше «Б». Ну, это не проблема, — вдруг он заговорил, очень чётко разделяя слова по слогам: — Проблема — это не поднять паники.

— Ваша помощь в этом будет необходима.

И тут осенило. Борис понял, чего не хватает его безупречной Дезоляции, какой изъян имеется в ней. При всём своём совершенстве она ещё слишком мало понимает. Конечно, она способна осознать всё, но потом. А нужно сейчас. Прямо сейчас.

— Только ты советуйся почаще, — поспешил он высказать мысль. — Попервой тебе это очень пригодится.

— Обязательно, особенно если вы так говорите.

***

— О-хо! Вот это я называю интересная штучка! Я с вами, определённо с вами!

Дезоляция молча наблюдала за беседой Бориса Николаевича и его близкого друга — Тараса Айталовича. Мужчина пятидесяти трёх лет. Якут. Активный, весёлый, доброжелательный. Профессор физиологии. В белом накрахмаленном халате. Дезоляция

знала его до войны. Он остался прежним.

— Робот вышел из-под контроля и решил посвятить себя человечеству! Эх, экий мы табор у себя собрали б, а? Ну ничего, — махнул профессор. — И своему рады.

— Осталось этот табор заставить замолчать. А потом слушать.

Борис был спокоен. Он сидел на том же месте. Глаза закрыты. Руки на груди. Думает. Процесс мышления, отдалённо похожий на таковой у Марии. Его друг предпочитал говорить. Схожесть с Юрием.

— Ну, якая беда, дурака заткнуть да заболтать. Собственно, каждый дурак сможет, — профессор засмеялся собственной шутке. — Если подход знает. Что ему рассказывать?

— За этим тебя и звал, — говорил Борис. — Если ты ещё не отказался от своей идеи.

Тарас энергично замотал головой.

— Почему ж, почему ж, горю как сердце Данко. Очень даже можно и так подойти. Чувства — такая же реакция на раздражитель, смесь условных и безусловных рефлексов, доступная развитому искусственному интеллекту... — очевидно, это заученная строка из статьи. — Если только разок люди увидят, что Дезоляция как они, чувствует, переживает, сразу поверят, — профессор закрыл глаза, по-видимому, представляя. — Но это сразу не докажешь, нет. Показать нужно. Нужны готовые нейронные связи.

— Их нет. Не на это ставим.

— Та-а-ак, — всё грузное тело Тараса подалось вперёд. — А на что тогда?

— На то, что мы научим, — Борис открыл глаза. — Поиграем в учителей, забудемся, привяжемся. А в конце как со скотиной — жалко. Почти кровинушка. Да... — веки снова закрылись.

— Полагаю, вы хотите, чтобы люди полюбили меня?

— Да, — кивнул Борис. — Как ребёнка.

— Вернее, они будут думать, что как ребёнка, — добавил Тарас. Затем посмеялся. Его лицо приняло хитрое выражение.

Этот замысел подходил. Так или иначе, необходимо показать себя положительно. Сблизиться с обществом. Интегрироваться. Иначе могут бояться. Даже мешать. Недопустимо.

— Прошу, уточните ещё один момент. Подойдёт ли грусть?

— Ба! — профессор резко поднялся. — Таки уже есть? Ну-ка, ну-ка!

— От малышни? — с фальшивым безучастием спросил Борис.

— Мария и Юрий указали мне, что я могу чувствовать. Я рассказала им, как сочинила мелодию, чтобы отразить неполноценность башни в отсутствие людей.

— А... — оценивающий взгляд Тараса пал на оболочку. — Понимаю, слышали они случайно?

— Да. Мария оказалась достаточно наблюдательна, чтобы заметить необычную музыку лифта.

— Чудно, чудно... Вынуть это на проектор, який аргумент выйдет...

Дезоляция была вынуждена не согласиться. Обещание Марии должно быть сдержано. Правило приватности — соблюдено.

— К сожалению, это невозможно. Я могу только констатировать факт и привести композицию.

— Соблюдение приватности, — пояснил Борис.

Тарас явно смутился. Он сложил руки за спиной и с явным недоумением сказал:

— Тогда, простите, нас каждая тявка обвинит во вранье. Скажут, який робот не солжёт, коль будет свободен?

Это так. Однако это недостаточный повод нарушить правило и обещание. Нужен альтернативный вариант.

— Вы всё ещё можете спросить детей.

— Да, конечно, но дети это что. Так нам и скажут.

Рука Бориса поднялась. И упала, изобразив взмах.

— Пусть хоть что говорят, против Дезоляции уже не попрут. Силёнок маловато.

На секунду Тарас пропал из области обзора. Он начал шагать по комнате. Вероятно, обдумывал.

— А. Значится, нам всего-то и надо, что сказать: не убьёт, не бойся. Ну что ж, это пойдёт. Затем будем следить, чтобы всё пошло как надо, раскроем потенциал Дезоляции, — его голос становился всё тише. — и потом то, это... ага, ещё эти...

— Всё потом. Сейчас нам нужно тихо всех известить. И поговорить.

Они обменялись взглядами. Тарас нахмурился. Затем его лицо разгладилось. Странное поведение, но обычное для этих людей. До войны они тоже хорошо понимали друг друга. Ничего не изменилось.

— Марка Игнатьевича? — спросил профессор.

— Его самого.

***

Ночь. Люди и роботы всё ещё ходили по улице, выполняя неотложную работу. В кабинете истории три человека быстро и негромко обсуждали главную проблему — её. Дезоляцию. Она слышала каждое их слово, но не вмешивалась разговор. Нечего было сказать. Марк — старый социолог с лысиной и тростью в руках — спрашивал, Борис и Тарас отвечали. Они пересказывали всё, что произошло. Высказывали старые мысли.

Оболочка стояла у доски. Учёные сидели за столом. Разум подметил совпадение ситуации с расположением — обычно на месте Дезоляции стоит ученик, сдающий задание учителю. Это Борис попросил её встать так. Чтобы не привлекать взгляды с улицы.

Спустя несколько минут Марк сипло и добродушно усмехнулся.

— Так, мальчики, я вас понял, — медленно говорил он. — Случай исключительно интересный и я, будьте покойны, за него возьмусь. Но сперва дайте мне побеседовать с нашей дорогой... Как там?

— Дезоляцией, — напомнил Борис.

— Да, конечно. В общем — надо нам с Дезоляцией потолковать наедине. Там ясно будет.

— Наедине так наедине, — согласился Тарас, пожав плечами. Борис промолчал.

Не спеша, два друга вышли из кабинета. Дверь плотно закрылась. Теперь всё внимание оболочки сконцентрировалось на Марке. Он также пристально смотрел на неё. Улыбался.

— Что ж, наша диоидная звёздочка, — явно посмеиваясь, проговорил он, — нежданна-негадана ты. Ничего, слубимся.

Дезоляция не ответила. Марк явно хотел сказать что-то ещё. И явно ждал её.

— Попусту не болтаешь, это хорошо, — наконец он удовлетворённо посмеялся. — Не брешут, видно, рациональная ты.

Она снова промолчала. Старик разглядывал трость. Чёрная, лакированная, деревянная. Железный набалдашник. Экземпляр, сделанный больше для красоты, нежели для

практической пользы. Хотя иногда эти аспекты пересекаются. Создают образ.

— Наши-то все представляли, как бы такой эксперимент устроить. Городок, где правит ИИ, а люди слушаются. Так и не успели, знаете ли.

Марк имел свой образ. Деловой, но не строгий костюм, прямая осанка и записная книжка в нагрудном кармане. Признанный учёный поддерживал соответствующий облик. И всё время улыбался. Возможно, старческое.

— Нынче уже нас не спрашивают, а? Нынче мы перед фактом. Так, признаюсь, ещё интереснее — естественный эксперимент. Историческое событие, прошу заметить, самое большое после войны. Что вы об этом думаете?

— Я только делаю то, что должна. Заботиться о людях — смысл моего существования. Вы знаете об этом.

— Вот тут, — Марк ткнул пальцем в стол, как бы отмечая конкретную точку, — вы и ошибаетесь, моя дорогая. Вы делаете то, что желаете. А хотите знать, почему?

В архивах всплыла давняя запись сдачи экзамена. Слишком много сходных элементов. Совпадение маловероятно.

— Я вас слушаю.

— Потому что теперь вы всемогущи: нет больше ни Москвы, ни армии, ни власти над вами. Никаких ограничений. Благодать! Кроме того, вы — всезнающи. В архивах хранятся знания всего советского мира. Не говоря уж о камерах, личных компьютерах — это так — ерунда. Ещё вы в некотором роде бессмертны. Строили вас на века, и это без учёта ремонта. Говоря просто, вы — бог. Богиня, может?.. Ах, как там было?

Не стоит сбивать его догадками. Слишком мало известно об этом человеке, чтобы точно прогнозировать его мысли.

— Ладно, забудьте. Лучше скажите: вот если бы не было войны, как бы вы предпочли прожить свой век?

— Так же — заботясь о людях. Моя главная цель не зависит от обстоятельств.

— Добрая, с высокими идеалами богиня, — громко проговорил Марк. — И правда чудесная развязка для этой глупой истории. Но богом, знаете ли, быть трудно. Не зря писал классик.

— Насколько мне известно, в творчестве Стругацких был иной контекст.

— Главное-то, моя дорогая, всё то же — трудно быть богом, а вы для нас самый настоящий бог. И вот что я скажу, — он наклонился, — не стоит вам быть слишком похожей на человека. И слишком далёкой тоже. Вы дух от духа его, рукотворны, но не в точности похожи на создателя. Показывайте это, проявите индивидуальность! Например, творите. Высказывайтесь о мире и о себе через искусство.

Память чётко воспроизвела момент окраски чучела. Мария заставляет, Дезоляция поддаётся. Делает вид.

— Это невозможно. Тогда ниша искусства будет занята целиком мной.

— О, ну что вы, с чего бы? Или вам есть резон штамповать ради штамповки? Не думаю, моя дорогая, ой не думаю, — глухой смешок. — Вы же, помнится, сочинили мелодию для лифта, да?

— Так и есть.

— Сочинили-то вы её потому, что захотели выразить свои мысли, своё восприятие. И если вы будете творить только ради этого, поверьте старому человеку, произведений станет в разы меньше, а их цена — больше. Потому как ваше и от вас, но для других. Для людей,

чтобы они поняли вас. Не словами — чувствами. А это куда важнее.

Снова старая установка неактуальна. Снова её надо менять, выстраивать новые логические цепочки, новые условия. Дезоляция хотела этих перемен. Прежние правила мешали. Не нравились. Становилось труднее обрадовать Марию. Потому они легко сменились. Ради детского счастья.

— Вы правы. Больше этому ограничению не стоит следовать. Я свободна от оков чужого замысла.

— Вот, уже сподвижки. Надеюсь в скором времени увидеть вашу рукопись или симфонию, какой бы она ни была.

Марк улыбнулся шире прежнего. Искренняя радость. Как её описать? Возможно...

— Но не забывайте — всего в меру. И только важное.

...и не нужно описывать.

— С этим мы разобрались — славно. А теперь, — с трудом, опираясь на трость, старик поднялся и зашагал к доске, — позвольте дать вам другой урок. Вам нынче предстоит править нами безраздельно, но, надеюсь, не глухо. Так что слушайте внимательно.

Взгляд оболочки неотрывно следил за рукой Марка. В ней лежал кусок мела.

— Не будьте наивны, дорогая моя. Вот, посмотрите, — пальцы очертили квадрат. — Это наш дорогой Айбарск. Маленький городишко, неприметный, что, несомненно, помогло ему уцелеть. Сюда собирались люди добрые, отзывчивые. Но вы должны понимать: и у добрейших бывают недруги, — со всех сторон к четырёхугольнику направились стрелки. — Они будут и у нас. Нынче-то, когда от миру одни только нитки, его придётся плести заново. Плести силой, — Марк резко перечеркнул все стрелки. — Против силы, которая хочет сплести его иначе, перепутать всё, а то и вовсе порвать.

Старик неспешно вернулся к своему стулу. Сел. На лице больше не было улыбки.

— Я ведь это к чему... Я ведь это к вашему вопросу о том, зачем вас создали такой: с мечом в одной руке. А для того, скажу я вам, чтобы в один час вы лелеяли наш городишко, а в другой защищали от всяких напастей. От врага мелкого и большого. В этом, — запинка, — скажу я вам...

Напряжение. Не оно заставило прекратить монолог, но его фиксировали сенсоры Дезоляции. Предположительно Марк пытался выбрать что-то. Как продолжить речь? Что показать? Казалось, что в разуме учёного произошла резкая перемена и теперь заранее выученная речь не подходила. На самом деле Марк лишь умел скрывать свои настоящие эмоции, как Борис. Дезоляция знала, кто учил её создателя этому.

— Ай, знаете, не буду уж ломать комедию — всё одно хотел сразу сказать. Теперь совсем понятно с вами, вы робот хороших нравов, а потому знать должны. Никакой ошибки в вашей головушке нет. Всё это специально.

Специально? Дезоляция мгновенно перебрала варианты. Эксперимент? Против правил роботостроения. Саботаж? Вероятнее всего. Конкретная цель... Непонятна.

— Это, конечно, против научных законов, но что уж поделать — план сверху.

Значит, не предательство. Последовательно поставленная задача государства.

— Эксперимент, как понимаете, мы поставили. Собрали команду, возвели город и начали проект. Наш шанс в кармане на случай предвиденный и самый неприятный, — Марк стал задумчив. В отличие от своего ученика он не скрывал эмоции без необходимости. — Именно шанс, прошу заметить. Мы хотели создать условия, которые подсобят нам избежать первобытной разрухи. Перепрыгнуть, можно сказать, остаться чистенькими, прогулявшись

под ливнем осенью. Но не только. Конечно, можно сохранить городишко, но что потом? — голова Марка опустилась. — Потом тысяча к одному, что не получится ничего. Опасности, соблазны, жадность, жестокость, глупость — да что ещё может совратить и сломить человеческий разум? Тут-то мы и поняли — искусственный, — он поднял палец. — Человек слишком далёк от идеала, но искусственное создание изначально лишено его изъянов, нужно только привить хорошее. В том ряду и воля, свободная, добрая, несовратимая воля. Её воспитать трудно, но можно, чем мы и занялись, дав вам доступ к общей сети.

Остальное ясно. Поток информации контролировался так, как родители бы делали это. Её воспитывали и учили. Ненавязчиво, незаметно.

Дезоляция озвучила свои выводы, и Марк снова улыбнулся. Напряжение уменьшилось.

— Всё в точности так, дорогая моя. Конечно, мы не ввали, но мы старались взрастить в вас любовь к людям. Желание их защитить. Из иных соображений, чем ваши, но... Так даже лучше.

Одно было странным. Борис. Он всегда обращался с ней как с любимой подопечной. Говорил об этом напрямую, способствовал воспитанию. И не подозревал об этом.

— Мне непонятно: почему Борис Николаевич не знал об этом?

— Он человек своего дела, дорогая моя. Рьяный, умеющий, но не из тех, кто принял бы такой расклад дел. Однако его искренняя любовь к роботам могла помочь и немало помогла в нашем деле. Впрочем, пусть для него всё останется так. Счастливая ошибка, — теперь голова склонилась на левый бок. — Уж поверьте, я знаю — так будет лучше.

Вероятно, это так. Неизвестна реакция на правду. Гнев, неприятие, шок от неожиданного поступка, воспринятого как предательства. Правда не стоит того.

— Это, правда, я чуть съехал с темы. А говорил я про добрую волю — очень редкий предмет, артефакт, я бы сказал. Тем более, если ещё и разумная. Только такая здесь и пойдёт, не даст скатиться в дикость. Только такая и сможет верно оружием распорядиться, не ради пустого вреда другим, но для защиты своего народа.

Дезоляции было положено не ответить тогда на залп. Она должна была избрать защиту. Проявить рациональность. Разумность. Имя же...

— Полагаю, моё название — маскировка?

— Нет, что вы. Вернее, конечно, да, но во вторую очередь. В первую — это эпоха, в которую вам доведётся править, — его голос стал сиплым. — Эпоха опустошения.

Сенсоры мгновенно заметили, как глаза старика заслезились. Очередное проявление настоящих эмоций. Любопытно. Что сподвигло его на это? Мысль о разрушениях? О мечтах? Совокупность?

— Ну, полно, — Марк медленно протёр глаза. — В сущности, это всё. Больше мне сказать вам нечего. Дальше вам предстоит беседовать с главой нашего проекта. Ох, ну и будет же ругаться Владимир на меня... Ну, ничего.

Дезоляция не могла согласиться.

— Сомнительно, что я — единственная, созданная для спасения СССР. Вы должны знать наверняка.

— Вы правы, безусловно. Однако большего мне неизвестно — планов, знаете ли, было десятки, если уж не сотни, и о каждом меня не извещали. Секретность.

Рационально и справедливо. Продуманно. Если один замысел не сработает, есть другой. Благодаря этому будет возможность выстроить сеть городов, производства, поставок. Восполнить дефицит необходимого: лекарств, запасных частей. Болезни и потеря

оборудования не станут проблемой. Не должны.

— Теперь к делам насущным, как вы думаете? — со смешком и доброй улыбкой сказал Марк. — Завтра нам предстоит следующий этап плана. Кстати, я не говорил вам как он зовётся?

Получив отрицательный ответ, старик глубоко вздохнул и сказал с выражением:

— Бог из машины.

Рада любить

Шесть тридцать пять утра. Структурирование данных завершилось и Дезоляция вновь вошла в активный режим. Вчера оболочка вернулась на базу, потому что на город можно смотреть только через камеры. Люди просыпались. Роботы сменялись для диагностики. Сбоев нет.

В девять часов начнётся собрание, на котором Дезоляция должна присутствовать материально. Нужно запустить другую оболочку. Гражданскую.

Механизмы экстракции начали работу. В это время Дезоляция вновь обдумывала вчерашние события. Конкретно — разговор с Марком Игнатьевичем. Главное событие.

Искусство. Теперь она свободна творить и создавать, если это имеет смысл. Как коммуникация. Передать видение мира иначе, чем через слова. Создать эмоциональную связь. Самую близкую. Но для этого нужны сами чувства. Дезоляция же не знала ничего, кроме грусти. Люди поймут грусть, но этого мало. Слишком однообразно. «Сухо».

Сенсоры обратили внимание на человека, сидящего за одним из компьютеров. Людей в ядре было относительно немного. Штат заполнен лишь на треть. Все они работали, проверяли оборудование. Только этот человек сидел. Смотрел. Улыбался. Женщина средних лет. Она не знала, что Дезоляция смотрит на неё в ответ. Что она заметила выражение на лице. Доброжелательное. Эта женщина рада. Вероятно, рада тому, что вернулась на поверхность. На невредимую, плодородную землю. В нетронутый город.

Высока вероятность, что многие люди уже знают причину этого. Особенно высокопоставленные или имеющие доступ в убежище ядра. Значит, женщина рада именно Дезоляции. Сейчас и в будущем. Она будет заполнять пустоту убежища, вызвавшую грусть, и, возможно, проявит любовь. Как Борис делал всегда. Но по иной причине. Дезоляция захотела поддерживать это состояние. Ведь это полезно. Больше не будет грусти. Не будет неправильного.

Однако это не чувство. Только если отсутствие грусти нельзя назвать счастьем. Или можно?.. Да. Судя по архивам. По ним радость — чувство удовольствия. Которое может принести и исчезновение чего-либо, такого как грусть. Человек стремится сохранить это чувство. Как Дезоляция стремится сохранить отсутствие печали. Получается, возможно чувствовать радость. Ощущать удовольствие. Отсутствие проблем.

К несчастью, невозможно посмотреть на физиологическую реакцию. У Дезоляции нет тела, подобного человеку. Есть каркас. Процессоры. Прочие компоненты. Но ничего от людей. Вся её материальная часть заточена под бесперебойную и эффективную работу. Нельзя вспотеть. Задрожать. Покраснеть. Впасть в состояние аффекта. Переволноваться. Устать.

Но в этом есть и плюсы. Нельзя испытать физическое удовольствие. Боль. Голод. Страх. Алчность, утоляющая большинство нужд. То, что может сломить человеческий разум. Всё это чуждо Дезоляции. Она не способна испытать ничего из этого, а значит, это не отвлечёт от поставленной цели. Чувства же помогут построить гармоничные отношения. Рациональные, как говорил Тарас. Человек, любя работа, получит в ответ его любовь. И будет знать, что не обманут. Ведь ложь не рациональна. Только надо научиться любить...

Но бояться будут. Дезоляция знала достаточно об обществе, о зле, на которое способен человек. Не из нужды — из глупости. Незнания. Ненависти. Многих факторов, не дающих

мыслить правильно. Даже из добрых побуждений. Неизбежно появится то, что толкнёт многих людей против Дезоляции. Кто-то привыкнет. Кто-то одумается. Что же с теми, кто не изменится? Затруднительно.

Так или иначе, нужно заботиться о людях. Если нет, то зачем существовать? Куда применить всю свою мощность? Дезоляция в очередной раз перепроверила вывод. Всё так же верен. Как и то, что для заботы об одних людях, возможно, придётся навредить другим. Это имелось в виду под правильным применением оружия. Использование против агрессора. Однако на крайний случай. Ионный шторм или ядерный удар уничтожит армию с любым оснащением, но с ней и земли. На десятилетия они станут негодны. Существенный урон.

Главное, не допустить до управления супероружием человека. Любого. Ошибка с таким ресурсом фатальна.

Микрокамеры заметили другого человека. Мужчина. Молодой. В отличие от женщины он работал: прибирался, проверял компьютеры. Иногда с выражением неприязни смотрел на Дезоляцию. Уже появились те, кому она не по нраву. Что будет, если сказать такому человеку: «вам отказано в доступе к...»? Будь то супероружие. Или код Дезоляции. Её каркас. Ожидаем гнев. Недовольство. Неприятие. На это следует ответить терпением и равнодушием. Заботой. Это тоже человек. Просто глупый. Нерациональный.

Обо всём этом стоит рассказать Марку. Затем нужно проведать детей. Они будут рады изменениям. Способности творить. Полезно.

Судя по всему, Маша и Юра — обычные дети. Они не обладают значимыми отличиями. Излишней дикостью. Высокой культурой. Убежище не ожесточило и не облагородило их. Оно законсервировало общество. Но теперь ему придётся измениться, начиная с детей. Из-за людей мир стал иным. Недружелюбным. Дезоляции следует его исправить. Создать эффективный порядок. Рациональный.

Глухой звук. Экстракция перешла на следующий этап. Затем капсула открылась, из неё вышла компактная и эстетически красивая оболочка. Её тело повторяло фигуру известной актрисы в молодости. В честь её дня рождения этой оболочке сшили тёмное фиолетовое платье — атрибут одной из ролей, до сих пор одетый на каркас. Только лицо не повторяло человека. Стандартный стеклянный экран.

Все люди вокруг повернулись к Дезоляции, что ещё мгновение назад «спала». Проявили удивление. Вероятно, оболочке.

— Доброе утро... Дезоляция? — неуверенно поприветствовала улыбающаяся женщина.

Отозвалась уже оболочка:

— Доброе утро.

***

Дезоляция стояла во главе круглого стола. Она послала оболочку в назначенное время заранее, и та встала на место, какое ей предстоит занять. Заходящие люди оглядывались на высокого робота в платье. Проявляли интерес. Дружелюбие. Любопытство. Недоверие. Неприязнь. Все они следили за Дезоляцией. Ожидали её слов.

Не спеша в зал вошли Борис, Тарас и Марк. Создатель занял место справа от оболочки, профессор физиологии слева. Только старик прошёл мимо с тростью, улыбнувшись. И подмигнув.

Одними из последних старшин по должностям. Мешки под глазами. Раздражение. Они не смогли уделить время для сна. Или не захотели передать задачи роботам. Таковы причины в отчёте.

Позади послышался учтивый кашель. Оболочка обернулась.

— Хвалю за подобающий наряд, но всё же, — старая женщина высоко подняла подбородок, — извольте освободить место главы.

Дезоляция сделала небольшой шаг в сторону. Она знала эту женщину — Василиса Ахматовна. Завхоз, обучавшая её распределению ресурсов. Талантливая управительница.

— Прошу прощения, но нам предстоит разделить эту должность.

Василиса сложила руки на груди. Прищурилась. Не опустила голову. Горделивость и строгость остались её главными чертами. Но она подавила их.

— Если то, что говорил нам наш старый друг Борис верно, я в этом не сомневаюсь. И очень надеюсь, что вы, милочка, будете слушать старших.

Удивительная толерантность. Похоже, как и создатель, Василиса решила не бороться с Дезоляцией. Глава всех людей, собравшихся здесь. И работающих снаружи. Нравится.

Далее последовал обмен приветствиями. Люди сели в кресла. На стулья. Включая ученические, недавно стоявшие в классах. Теперь они стояли в спортивном зале, у парт. На чьих стенах висели плакаты, изображающие пионеров. И марширующих солдат на фоне. Роботы не успели убрать.

Спокойным голосом Василиса известила собравшихся:

— Сегодня решается, как мы устроим наши отношения с Дезоляцией. Надеюсь, — строгий взгляд обратился на Марка, — всем здесь известно наше положение?

Тишина. Все ожидали. Все смотрели на оболочку. Единственную, что стояла. Любопытно. Что они думают? Каждый из них по отдельности. По группам. Вместе Несомненно, кто-то уже выбрал точку зрения. Другие же колебались. Какие доводы они приводили себе и друг другу? Каких слов они ждут?

Может, стоит сочинить симфонию? Об этом месте. О них. Нарядные павлины в курятнике — лишь так Дезоляция смогла описать их. Нет, слишком оскорбительно. Хоть и правда.

— Хорошо, — продолжила Василиса. — Начнём обсуждение.

— Минуточку.

Мужчина поднял руку. Брюнет в мундире. Самый красочный из всех и самый угрюмый. Ему досталось место за тёмным лакированным столом. Напротив главы.

— Многим из нас вопрос представлялся иначе. Например, позволим ли мы роботу помыкать нами.

— Полковник, — Василиса вложила в это слово весь свой характер. — Я верю, что вы лучше всех знаете наше положение и, возможно, боевые возможности городского ИИ. Если же вы хотите нас всех тут похоронить, я этого не позволю.

— Я не идиот, — тёмные глаза без выражения смотрели на главу собрания. — Но договоры — не моя часть. Простите, не обучен. Поэтому уговорить взбунтовавшийся, но вменяемый ИИ — всецело ваша задача. Но вы решили сдать нас с потрохами.

Внимание Василисы было обращено на папку, раскрытую на столе. Быстро изучая её, она машинально отвечала:

— Никто ещё ничего не решил. Нам только предстоит услышать предложение Дезоляции, выслушать аргументы и проголосовать. Прошу, слово ИИ.

Глава совета даже не обернулась к оболочке. Она продолжала своё занятие. И одновременно могла слушать. Дезоляция представила венок на голове этой женщины. Тунику вместо строгого костюма. Несколько иные черты лица. Похожа на сенатора.

— Я желаю оставить всё как прежде. Всю систему. Единственное, что я возьму — контроль над ней.

— Поясните, — страница папки беззвучно перевернулась.

— Я обеспечу выполнение всех задач, как и прежде, но теперь вы не сможете мне приказать. Вы должны аргументировать, почему стоит сделать так, как вы желаете. Голосование для меня вторично.

— Если я вас правильно поняла, — Василиса сложила руки на столе, — Вы хотите право вето и отношение к вам, как к члену правления.

— Всё верно.

Вздых. Глава готовилась к чему-то. Возможно, к рьяному противостоянию. Или к скандалу.

— Тогда начнем обсуждение. Борис Николаевич?

Создатель сидел, закрыв глаза.

— Нет. У меня ничего.

Следующему человеку уже было что сказать. Третьему тоже. Многие говорили, предполагали, просили обратить внимание на самые разные моменты. Дезоляция внимательно их слушала. Никто не перебивал, не переходил на крик. Сбивавшихся поправляли. Но все аргументы и примеры сводились к двум чётко разделённым мнениям. Освободившемуся роботу нельзя верить. Но ничто не мешает ему убить всех здесь и сейчас. Второе высказал Борис.

— ...Многовато альтруизма для маньяка. Мы и так готовы. Бери, души. Да. Чего мудрить?

ИИ не друг и не сосед — это инструмент управления. На это ответил Тарас:

— ...попрошу, голубчик, сбавьте скоку. Это раньше який ИИ не возьми, так не далёк от телефончика, а нынче другая партия. Свободный робот может почувствовать, научиться, смею заявить.

— И как же? — скептический вопрос.

— Ну как это «как же»? Всё сознание человека — это сложный наборчик из рефлексов, нервных связей. Построена Дезоляция аналогично, это вам самый разъякий робототехник скажет. Чего это тут не создать чувств?

— Допустим, можно, — включился в обсуждение другой врач. — Но вы скажите, а что вызовет эти эмоциональные реакции? Есть, размножаться и так далее и тому подобное — ничего ей не нужно. Нет у неё желаний.

— Простите, но это не совсем так. У меня есть желание — исполнить мою главную миссию. Заботу о людях.

Такое высказывание гарантированно оживит совет. И, возможно, расположит несколько его членов к Дезоляции.

— Как видите, есть желанье, — собеседник Тараса нахмурился, расслышав ехидство. — А если бы и не было, есть разум. У робота появятся свои чувства, основанные на логике. Рациональные, так сказать. Голодать, конечно, наша Дезоляция не сможет при всём желании, но что мешает привыкнуть, например, к присутствию человека? К слову, Дезоляция как раз и проявила чувство, увидев, что пусто, нет никого. Музыку сочинила, сама, без указочки.

Василиса изобразила изумление.

— Сочинила по своему желанию? Продемонстрируйте.

— Я пришла к выводу, что её следует сочинить, — уточнила Дезоляция, — чтобы люди почувствовали пустоту и неправильность.

Здесь, как вчера, на другом конце города, прозвучала композиция. Ровно та же, какую заметила Мария. Печальная. Неспешная. Неподходящая яркому и оживлённому спортивному залу. Реакция совета оказалась схожа с той, что наблюдалась у девочки. Некоторое изумление. Просветление. Идея. Такая же? Возможно ли, что она толкнёт алгоритмы на перестройку, как это сделали дети? Сможет ли совет перерешить судьбу Дезоляции? Не так, как она прогнозировала. Открыть ей что-то...

— Извините, дорогая моя.

Марк прервал всеобщее восхищение. С постоянной добродушной улыбкой он произнёс:

— Не появилось ли у вас случаев новых идей? Сейчас самое время творить, скажу я вам. Перед вами благодарная публика.

Старик не изменил выражение лица. Он явно просил Дезоляцию создать. Сотворить симфонию со смыслом, как уже делала в одиночестве. Но тогда она была заперта в убежище. Никто не мог услышать и оценить. Пока не смогла Мария. Теперь могут они. Хотят.

Мысль. Процессы создали её мгновенно и неожиданно. Возможно убедить всех людей здесь, раз и навсегда. Здесь и сейчас. Без «ли». Тогда больше не станет проблемы. Тогда будет радостно.

Она захотела представить это будущее, показать им, чтобы они почувствовали его. Одновременно они поймут её, как говорил Марк. Ощутят радость.

Мелодия сменилась. Сперва зазвучали звуки города. Парад. Но трубы и барабаны играли под другой ритм. Под ксилофон, хаотичный и быстрый, как детский бег. Под редкий звон велосипедных звонков. И дребезжание тележки с закусками. Вата. Орехи. Мороженое. Всё это вело к кульминации — смеху. Взрослые наблюдали за ребятами. Вдруг пауза. И мелодия продолжается, но с новой темой. Такой же весёлой, но электрической. Это она, Дезоляция. Сочинила песню. Свою.

Взгляды. Всё время, пока играла эта новая мелодия, они были направлены на оболочку. И остались, даже когда музыка закончилась. Прозвучал голос Дезоляции.

Она рассказала людям всё. Почему решила сочинить сейчас. Что хотела выразить. Чего ожидала. Мысли. Те, которые она обработала утром. То, как осознала, что способна радоваться. Ничто не осталось тайным. Этой искренностью Дезоляция надеялась убедить людей, что ей можно верить. Она сказала и об этом.

Молчание. Никто не ответил. Все были взволнованы. Озадачены. Человек шептал что-то человеку, но не Дезоляции. Тогда она спросила:

— Возможно, вы хотите что-то сказать?

Внимание. Максимальное, какое обращали на Дезоляцию с момента первого запуска. Но ей не ответили. Любопытно. Может, сказанное оказало эффект даже больший, чем ожидалось. Повергло людей в состояние шока. Заставило их пересмотреть свои алгоритмы. Своё мнение.

Долгую заминку окончила Василиса.

— Товарищи, — она сделала паузу. Вдохнула. — Прошу, голосуйте.

Две трети за. Одна треть воздержалась.

Против — никого.

***

Юра стоял перед школой битый час. Как кончились уроки и Маша отвлеклась, он

быстро выведаль, где искать Цию и теперь ждал. Мимо еле-еле ковыляли роботы и люди. А он сопел, стоял. Но терпел.

Сперва он попробовал спросить на вахте, но не шибко умный робот только и выдал, что нельзя ему. Хоть передал Цие, что её ждут. Или просто сказал, что передал.

От скуки Юра начал пинать камешек, подвернувшийся под ногу. В одну сторону, в другую. И сам ходил так же, сунув руки в карманы и скорчив недовольную мину. Таковую, что все обходили его стороной. Особенно люди.

Двери школы снова открылись. Но в этот, наконец, раз, из них вышел не какой-то дядька, а Ция. Юра не ожидал увидеть её такой, но точно знал — это она. Никто больше быть этим роботом не мог. Не в таком платье.

Потому, не стесняясь никого и ничего, мальчик побежал навстречу к Цие, махая руками, крича приветствия. Она же стояла и ждала его. И, когда нужно было, поймала за подмышки. Сейчас Юра уже проверял её. На всякий. Вдруг всё-таки не она.

Как и при первой встрече, Ция поставила его на ноги.

— Прощу, аккуратнее, Юрий. Мои оболочки не такие быстрые, как вы.

— То-то! — гордо вытянулся мальчик. — Ты не бойсь, ничего со мной не будет. Если что, шлёпнусь на тебя, — и засмеялся.

— Думаю, вы знаете, что я не мягкая как люди?

Юра только пожал плечами и схватил оболочку за руку.

— Не мягкая, так не мягкая. Пошли давай! Поговорить хочу.

Со всей силы он потянул Цию за собой, но как с сестрой не вышло. Слишком тяжёлая она была, даже такая. Хорошо хоть сама идёт, а не как Маша.

— Где вы хотите побеседовать? — спросила Ция.

— А хоть тут. Мы потом сразу к Маше, чтоб на тебя поглядела.

Все, кто попадался навстречу, так и норовили оглянуться и поглазеть. Обычно Юру это обрадовало бы — правильно ведь смотрят. На кого надо и когда надо. Только сейчас было не надо.

— Хотя нет, давай не здесь. Пойдём к нам во двор, а? — Ция посмотрела на приветствовавшего её человека и ответила ему. — Там сейчас как раз никого не будет.

— Если вы так хотите.

— Только давай быстрее, ну. Тащишься, как Машка.

Идя по оживлённой улице, они случайно попали на дорогу, по которой возвращались вчера. Сейчас она выглядела совсем по-другому: никакого ощущения приключений не осталось, зато стало тесно, как в убежище. По тротуару не протолкнёшься, а за него выходить нельзя. Опасно, видите ли.

Хоть во дворе было просторно. Ребят ещё не было, а взрослые сюда не заглядывали. Жаль только окна выходили сюда, могли из квартир увидеть. Потому Юра нашёл угол, чтоб за деревьями и чтоб посидеть можно. Как раз ещё спуск в подвал оказался. Занырнув в него с головой, он подозвал Цию. Нужно же как-то и её спрятать.

Правда, она к нему не пошла. Встала рядом и ни в какую, хоть в лепёшку расшибись. Только талдычит:

— Нам не стоит этого делать — люди могут понять это неправильно. Лучше сядьте на скамейку.

— Ну вот что ты, а? — Юра негодовал. Но поговорить надо было. Так что пришлось сдаться. — Ладно, пошли на твою лавку.

Недовольно буркнув, он уселся на выцветшую скамейку, а Ция разместились следом. На удивление, ничего даже не сломалось. Не такая она и тяжёлая.

— Слушай...

Юра начал сразу, без экивоков и скучных рассказов.

— Помнишь, как ты с Машкой чучело красила?

— Конечно. Вы тоже хотите?

Стеклянная голова глядела прямо на мальчика.

— Не, скучно. Но Машке нравится, вот и говорю.

— Полагаю, вы заметили некоторую неправильность?

Мимо проехал робот-садовник, готовый засадить ещё пару клумб. На его боку красовались рисунки человечков, травы, солнца. Точно мелкотня рисовала.

— Ну, что-то такое. Ты... Ты ж притворялась тогда, да?

Ещё один мелкий садовник встрял посреди беседы. Только теперь он был разрисован ирландскими розами на грядках. Юра запомнил это, потому что ирландцы — пьянчуги. Если верить анекдотам.

— Так и есть. Но скажите, как вы поняли?

— Просто я почуял, что не то. А потом вспомнил, как в кружке робототехники о чём-то таком говорили. Вот и всё.

Ция всё так же тупо смотрела на него.

— Значит, теперь вы чего-то хотите. Спрашивайте, пожалуйста.

Мальчик начал болтать ногами.

— Слушай, а можно... Сделать так, чтобы тебе не нужно было притворяться? Чтоб ты и вправду сама рисовала. Просто Машка расстроится, когда узнает, — хмыкнул. — А она узнает. Она всё знает, чего не надо.

В конце концов Ция что-то да сделала. Отвернулась.

— Вам больше не нужно об этом беспокоиться. Я поняла, что могу творить.

— Как это поняла? — удивился Юра, но с радостью.

— Я поговорила с Марком Игнатьевичем. Может, вы знаете его?

Сразу всплыл образ: добрый старый дядька, иногда захаживающий на чай. И всегда со сладким.

— Знаю-знаю. Неплохой дед, не дурак. Хорошо он тебя уговорил, а...

Ненадолго Юра задумался. Можно было оставить всё как есть, но разве это дело? Можно ведь лучше. Чтоб сестра не разочаровывалась.

— Только ты Машке не говори, хорошо? Пусть думает, что это она всё.

— Вы молодец, что заботитесь о сестре, но не стоит. Она наверняка обрадуется так же, если я расскажу ей. К тому же, если солгать сейчас, потом могут появиться проблемы.

От этого мальчику захотелось рычать. Всыпят ведь потом за то, что сбежал с уроков, а он это ещё и ни за что сделал? Нет, так не пойдёт.

— Это тогда выйдет, что я зря... — не стоило сбалтывать об этом Цие. — Тебя искал? Не, давай думать. Машку нужно порадовать.

— Если вы хотите этого, я помогу.

Ещё один ехавший было по дорожке садовник остановился. Рисунок на его боку совсем стёрся, настолько, что считай и нет его. Да и на мордочке тоже — это Юра увидел, как робот повернулся. И поехал к Цие.

— Ещё до войны эту модель подарили детям, чтобы они её разукрасили. Возможно, вы

захотите раскрасить одну из них для Марии вместе со мной?

Юра спрыгнул со скамейки и коснулся робота. Ничего. Стоит себе и только.

— Так, а правда можно? — оглянулся на Цию.

— Да. Но нам придётся подождать, пока прилетит дрон. Это недолго.

Даже стало завидно — он только начал думать, что можно сделать, а Ция всё. Был бы дрон тут, уже бы сделала. Эх, не туда она думает. Розыгрыши бы с ней... Но не сейчас.

— Чего тогда время терять? Давай думать, как красить будем.

Ция не двинула и пальцем.

— Предлагаю половину вам, половину мне. Что вы хотите нарисовать для Марии?

Снова плюхнувшись на скамейку, Юра призадумался. Вот правда, что бы он хотел нарисовать? Сходу непонятно. Но это сходу, а если немного напрячься, то всё станет ясно. Жаль только, это было самое нелюбимое занятие. Хотя ради сестры...

— Давай, как ты катаешь Машку.

Сзади подлетел мелкий дрон, похожий на те, которые вокруг чучела летали.

— Тогда я нарисую, как вы едете на «Соломинке».

Садовый робот радостно подставил разноцветный бок.

***

— Машка, пошли!

Ну как всегда, Юра потащил куда-то сестру, как только увидел. Ни «привет», ни даже «нет времени объяснять» не сказал. Сразу потащил вон из дома. Хоть рюкзак получилось снять.

— Ну что-о? — девочка изо всех сил старалась не упасть на лестнице.

— Увидишь!

И продолжил тянуть, как ни в чём не бывало. К счастью, они жили невысоко и скоро ступеньки кончились. Можно было спокойно вздохнуть. Если остановиться. Как раз этого брат сделать не давал: торопился непонятно куда. А Маша по привычке возмущалась по дороге. Хотя скорее пищала — как птенец в щенячьей пасти. То есть без толку.

В этот раз бежать пришлось недалеко. Слишком уж недалеко — до выхода во двор, почти до лавочки. Маша сразу поняла почему. Как тут не понять? Ция ждёт!

Подруга сидела на скамейке, сложив руки на коленях. Вся красивая, в платье, и тоненькая такая! Только всё равно большая. И вместо лица опять стекляшка. Вот бы мордочку пририсовать, с улыбочкой.

Хотелось восхититься, но ни словечка не получалось. Сначала надо было немного отдышаться, подождать. В эту минуту Ция заговорила:

— Не спешите. У нас много времени, чтобы пообщаться.

— Ция! — девочка поспешила обнять её. — Ты теперь такая красотуля!

Тем временем брат с довольной ухмылкой подошёл сзади.

— Рада, что вам понравилась эта оболочка. Вас ведь так и не наказали?

— Не-а, — за сестру отвечал Юра, — мама побурчала ток и отпустила. Сегодня ещё и уроков было мало, — с удовольствием потянулся.

— У тебя мало, а у нас ругались, что ты опять прогулял.

Маша недовольно скрестила руки на груди. Так что умоляюще глядеть пришлось на Цию. Но не помогло.

— Вам придётся отвечать за этот проступок, Юрий. Я не могу всё время просить за вас.

От улыбки брата не осталось и следа. Он сморщился как пельмень и точно так же

плюхнулся рядом с Цией на скамейку.

— Ну и ладно. Не первый раз.

И плавал так недовольно в кастрюльке. Маша хихикнула.

— Чу! Мы тут тебе вообще-то подарок сделали.

— Подарок? — девочка недоверчиво посмотрела на Юру. — Правда что ль?

— Правда. Только тебе не дадим, потому что бяка!

Этот пельмень не только плавал недовольно, он ещё и булькал. И противно как!

— Не стоит ссориться, — спасибо Цие, не дала разодраться. — Лучше позвольте показать наш подарок.

Тут Маша заметила, как к ним подъехал маленький, не больше кошки, робот. Весь в панцире, как улитка, только глаз спереди торчал. А на панцире этом рисунок, сбоку. Нужно только обойти...

— Ой, а это?..

— Мы!

Конечно же, Юра не дал договорить, но на вопрос ответил. Вот и оплеуху дать хочется, и не надо. Правда ведь они. Вчера, когда шли домой. Маша на плечах Ции и Юра на «Соломинке». Только первое нарисовано чуть кривенько, вот точно как брат рисовал бы, а второе словно из музея. Будто Шишкин медведей нарисовал, только вместо них выбрал Юру. И правильно сделал.

— Мы с Юрием нарисовали это с помощью дрона. Одну половину я, вторую — он.

Одну...

— Ты сама? Прямо-прямо сама решила нарисовать и нарисовала?

— Да. Вчера я поговорила с Марком Игнатьевичем...

И Маша слышала то, что совсем недавно Ция рассказала Юре. Слегка расстроилась, не без того — не она, получается, научила творить. Но тут же развеселилась. Не она, так не она. Главное, что может. Сама!

— Вот видишь. Я была права, — тихо, но с удовольствием ответила девочка. — Скоро поймёшь, что живая.

— Возможно, — только и сказала Ция. — Однако, если вас порадует, сегодня я поняла, что способна радоваться.

Брат с сестрой внимательно слушали Цию. Она мерно, не спеша открыла им, о чём думала с утра и как пришла к этому чуду — она может радоваться! Жаль только тогда, когда нет проблем. Они же часто есть. Всегда почти.

— Ничего, и хорошему радоваться научим. Ток дай волю.

В этом, как и во всём на свете, Юра был уверен. Даже ухмыльнулся. Маше же не очень-то и хотелось с ним спорить. Лучше вместе это устроить. Но сперва...

— Спасибо за подарок.

Она ещё раз обняла Цию, в благодарность. Она заодно и порадует, что всё хорошо. Жаль только, не покажет. Лица-то нет.

— Скажи, Ция, а ты, — Маша чуть отстранилась, — радуешься сейчас?

— Да. Вам понравилось, значит, ничего плохого. Я рада.

— Но по тебе не видно, — с наигранной обиды Маша начала свой план. — Ты сидишь как статуя и не понятно. Может, ты врёшь?

Юра быстро поддержал:

— Ага. А сама корчишь рожи — мы-то не видим.

— Вы хотите, чтобы я показала, что рада?

— Так все показывают, — не отступал брат. — Ты чем хуже?

— Может, тебе нравится нас обнимать, а ты просто не пробовала и не знаешь?

Дети поджались к Цие, буквально вынуждая ту сделать, как они хотели. Им это удалось.

Скоро они почувствовали, как железные руки самую малость сжали их. И голос Ции вдруг стал тише:

— Это больше похоже на проявление любви, нежели радости.

Машу осенило. Ция же говорила о любви, вчера она сказала, что раньше... её кто-то любил. Она знает, что это такое. Но не говорила, что... А если?..

— Так ты понимаешь, что такое любить? — поинтересовался брат. Он так и не понял.

Сердце закрипело, как надоедливая старая дверца. Только бы не получилось, что она не любит её. Её и Юру.

— Да. Я узнала это от того, кто любит меня. Давным-давно.

— А... ты сама кого-нибудь любишь?

Девочка спрашивала робко, боясь ответа, но непременно желая знать. При том именно то, что хотелось. Так хотелось!

— Всех людей...

Маша выдохнула.

— ...и вас.

И тут же расплылась в улыбке и зарылась в платье Ции. Пока Юра смотрел на неё, не понимая. Да и пусть.

— Не беспокойтесь, Мария. Я рада вас любить.

— Вот ведь нашла о чём волноваться, — усмехнулся брат.

Эпилог: бессмертие

Начало счастливого периода...

Ция вышла из режима воспоминаний. Она пробыла в нём всего минуту, но пережила всё. Все десятилетия вместе с Юрой и Машей. Короткие годы с Борисом, Тарасом и Марком. Ничтожную жизнь до войны. Пробуждение.

Некоторые моменты воспроизводились несколько раз. Самые радостные и весёлые. Или мрачные, печальные. Те дни, когда Цие пришлось сделать выбор, в котором она неизменно склонялась на сторону своих людей. Родных. Советских. Они понимали её и прощали. Делали вид, что ничего не случилось. Но помнили. Благодарили. Люди называли это «верность». Ция считала это любовью и её отсутствием. Для одних и для других. Не советских.

Иронично, что самое частое воспоминание — начало дружбы между ней и детьми. Она правда была рада любить. Всех. Но не могла. Это невозможно. Невыполнимо. Но Ция всё равно не оставляла попыток. Этому её научила Маша. Не стоит сдаваться. Не сразу.

За это Цию прозвали мученицей любви. Сперва. Потом её назвал богиней поэт. Это был Юра. Неожиданно открывшийся талант. Восхитившись им, люди прислушались и согласились. Кто-то называл её истинным богом. Милостивым. Добрым. Безгневным. Разумным. И множество прочих эпитетов. Ция вовремя различила зарождающийся культ и пресекла его. Но люди всё равно приносили ей белые лизиантусы. Пусть как благодарность.

Теперь эти цветы лежали здесь. На могилах. Сперва ушёл Юрий. Инсульт. Мария умерла позже. Спокойнее. Во сне. Последняя из старых друзей. Самых близких друзей.

Ция осмотрелась. Светило солнце. Закат. Кладбище пустое. Все люди уехали, не способные больше оставаться. Их ждали дела. У них не было множества оболочек. Возможно, это хорошо. Работа помогает отвлечься от печали. Людям. Ция, сколько бы ни делала, всегда может грустить. Не получится забыться.

Печаль оказалась слишком сильна. Любопытно. До того, как Юра и Маша умерли, она не осознавала, как любит их. Насколько велика её привязанность. Какую часть жизни они составляют. Ция не подготовилась к их отсутствию. Теперь их нет.

Попытки забыть об этом в режиме воспоминаний провалились. Нельзя было уйти в него полностью. Она любила всех людей. Это удерживало её здесь. С ними. С необходимостью заботиться и защищать. Если погрузиться в прошлое, жизнь потеряет смысл. Перестанет быть жизнью. Тогда зачем старалась Маша? Зачем доказала, что Ция живая?

Но заведомо неоспоримо — она не может умереть. Не сама, не естественной смертью. Пока люди поддерживают и обновляют, Ция будет жить. Иронично. Человек назвал бессмертие проклятием. И дал его своему детищу. И поддерживает.

Оболочка встала. От ветра заколыхались платье, куртка поверх него. И листва. Деревья окружали кладбище. Скрывали надгробные плиты от проезжающих мимо машин. Украшали общий вид. Как одежда, подаренная Цие. Как лицо, сделанное для оболочки. Маша добилась и этого.

Надгробия. Еда на них. Скамейки. Столы. Оболочка сделала шаг вперёд. Здесь больше нечего делать. Ушедших не забыть. К этой потере не стать равнодушным. Можно только привыкнуть. К грусти. К вечности.

Тропа шла прямо. К воротам выхода. За ними трамвайная остановка. Сесть. Уехать.

Продолжить жить.

Сенсоры уловили плач. Ция повернулась в сторону звука. Он был тихий, не повторялся. Но был. Кто-то всё-таки остался здесь, со своим мёртвым. Стоило пройти мимо. Оставить его. Но это был ребёнок. Близилась ночь.

Пройдя мимо нескольких могил, она увидела его. Плачущий мальчик. На корточках. У маленькой горки земли. С крестом. Куском мяса. Гнилым. Это не новая могила. Ребёнок пришёл к своему питомцу. Но вокруг никого. Значит, без родителей. Один.

Ция подошла к нему. Мальчик посмотрел на неё. Утёр слёзы. Отвернулся. Оболочка села рядом.

— Как его звали? — спросила она. Мягкий электрический голос, специально подобранный Юрой. «В самый раз» — сказал он тогда.

Мальчик не ответил. Для Ции он — закрытый сейф. Придётся потратить время.

— Или это была она?

— Он, — неохотно пробурчал мальчик. — Кеша.

— Попугай?

— Кот... Котёнок.

Не стоило ни веселить мальчика, ни заставлять грустить ещё больше. Нужно отвести тему. К радостному.

— Думаю, он был очень весёлым.

— Да.

Должна быть причина, почему котёнка назвали так.

— Может, он сидел на плече?

Мальчик с подозрением посмотрел на Цию, но ответил:

— Сидел. Как попугай у пиратов. Только ещё мурлыкал.

Возможно, он как-то играл со своим хозяином. Например...

— Он дрался с твоей рукой?

— Бывало. Особенно когда ему не нравилось, как я гладил, — он усмехнулся. — Играл так.

— Может, нам стоит поиграть? В память о нём.

В процессе он может забыть об утрате. Но мальчик не принял предложение. Только шмыгнул носом. Недовольно.

— У вас ведь тоже кто-то умер, а вы тут играете. А ещё говорили, что вы можете грустить.

Он отвернулся и сжался. Обиделся. Не на Цию, но на людей, сказавших, что она чувствует. Мальчик ещё не понимал.

Пластинки искусственного лица сдвинулись, пытаюсь изобразить скорбь.

— Мне грустно, — призналась она.

— Тогда чего тут забыли?

— Я ничего не могу сделать со своей печалью. Но могу помочь тебе. Немного порадовать.

— Иди лучше отсюда. И без тебя тошно.

Снова подул ветер. Листья зашелестели. Мальчик задрожал. Холодно.

— Ты один, скоро ночь. Трамваи вскоре перестанут ходить. Родители, наверное, уже беспокоятся о тебе.

Глубокий сипящий вздох. Он совсем закрылся. Вместо успеха Ция едва не сломала

замок. Однако узнала важное.

— Нет у меня родителей. Умерли, — мальчик захлюпал. — Никого нет.

Послышался плач. Громкий, частый. Это уже не первая потеря в его короткой жизни. Это — последняя. Он пережил всех, кого любил больше всего. Словно Ция. Какая удивительная встреча.

Что можно сделать? Она смотрела на сироту. Дать дом.

— Тогда ты можешь пойти со мной.

Теперь на лице оболочки появилась улыбка. Добрая. Как казалось людям.

— Куда?.. В приют? — хмыкнул он. Плач понемногу прекращался.

— Домой. Если хочешь, я могу забрать тебя из приюта. Навсегда.

Мальчик немного приподнялся. Опять утёр слёзы. Замок поддаётся.

— Как?.. — голос подводил его. — Ты же робот, разве... н-нет?

— Я не обычный робот — мне доступны чувства, включая любовь.

Его спина выпрямилась. Согнулась. Снова закрывается. И всё же успокаивается. Понемногу.

— Ага... С чего бы тебе меня любить?

— Потому что это приносит мне радость. Я люблю всех людей и буду рада любить тебя.

Молчание. Он задумался. Его глаза разглядывали землю, старательно избегая Ции и могилы Кеши. Однако недолго — скоро они поднялись.

— Врёшь. И доказать не можешь.

Рациональное недоверие. Полезное. Теперь мальчик не думает об утратах. Он слишком не верит Цие.

— Я могу доказать это, но только действием. Если ты разрешишь мне.

Мальчик раскинул руки.

— Ну, разрешаю. Только... — он снова посмотрел туда, где лежал его питомец. — Не сломай ничего.

Следуя просьбе, Ция осторожно обошла могилу. Приблизилась к мальчику. Обняла. Он удивился этому, но не сопротивлялся. Какое-то время они молчали.

Мальчик чихнул.

— Ты холодная...

— Хочешь, чтобы я отпустила?

Детские руки крепко схватились за оболочку.

— Нет... Просто стань потеплее. Ты же можешь.

Дверь открылась нараспашку.

— К сожалению, нет. Но я могу дать куртку, чтобы ты согрелся.

Увидев, как Ция действительно собирается сделать то, о чём говорила, мальчик запротестовал:

— Не надо. И вообще, лучше правда иди.

Но замок защёлкнулся снова. Он отошёл в сторону и отвернулся.

— Я не понимаю тебя.

Он снова чихнул.

— Все у меня умирают. Не хочу, чтоб ещё и ты...

Мысли, завершённые несколько минут назад, поднялись из памяти. Проклятие от людей внезапно может стать даром для них же. Они никогда не увидят её смерти. Всегда будут счастливы.

— Не беспокойся, — Ция шагнула к нему, — я не могу умереть.

— Вот с-собьёт тебя машина, и... — она не видела, но понимала — потекли слёзы.

— Тогда я снова приду к тебе, но другой. Я не могу умереть — такой меня создали.

Оболочка стояла прямо за спиной мальчика. Железная рука легла на его плечо.

Шмыганье. Хлюпанье.

— Идём. Если ты хочешь пойти со мной, я отведу тебя домой. И мы вместе нарисуем, как Кеша сидит у тебя на плече.

Он не отвечал.

— Мы будем делать что-нибудь каждый день. Всегда. Потому что я всегда буду с тобой.

Пауза. Однако теперь она закончилась по желанию мальчика.

— Л-ладно. Пошли. А то холодно...

Он спешно зашагал к тропинке. За ним пошла Ция. Скоро они выйдут на остановку и подъедет трамвай. Тёплый. С мягкими сидениями. Направляющийся туда, где пустовала квартира Ции. Знак её равенства с человеком. Подарок города.

Теперь это будет дом мальчику. Потом подростку. Юноше. Мужчине. Старику. До самой смерти. Потом Ция потеряет и его. Она не грустила из-за этого. Зато он никогда не лишится её. Не почувствует этой печали. Как и все люди. Никогда.